

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
*Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК

16

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1953

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
*Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

16

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1953

Дирекция Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР просит прокурорско-следственных работников — читателей «Следственной практики» — присылать свои отзывы и замечания по поводу помещенных в «Следственной практике» материалов.

Адрес Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики: Москва, 151, Можайское шоссе, д. № 37/45.

Ответственный редактор
настоящего выпуска «Следственной практики»
кандидат юридических наук
Государственный советник юстиции
2-го класса
А. Н. ВАСИЛЬЕВ

ПОВЫШАТЬ МАСТЕРСТВО РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ В КОЛХОЗАХ

Настоящий выпуск «Следственной практики» посвящен расследованию дел о хищениях в колхозах.

Охрана социалистической собственности продолжает оставаться одной из главных задач социалистической законности,— поэтому на борьбу с хищениями должна быть в первую очередь направлена деятельность следственных, судебных и прокурорских органов.

Охрана колхозного имущества имеет большое значение в деле укрепления и дальнейшего развития колхозной собственности. Преступные посягательства на колхозную собственность должны восприниматься с особой остротой, получать строгую политическую оценку и решительно пресекаться всей силой советского закона.

В отчетном докладе XIX съезду партии товарищ Маленков обратил особое внимание на факты хищений в колхозах и предложил «со всей строгостью законов социалистического государства наказывать, как врагов колхозного строя, лиц, виновных в растаскивании колхозного добра»¹.

В выступлении Председателя Совета Министров СССР товарища Маленкова на заседании Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. подчеркнута задача развития и укрепления общественного хозяйства колхозов. Несомненно, что в решении этой задачи немаловажную роль должна сыграть охрана колхозной собственности.

Задачу охраны колхозной собственности решает каждый прокурор в своем районе, следовательно на своем участке конкретной практической деятельностью:

¹ Г. М. Маленков, Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП (б), Госполитиздат, 1952, стр. 57.

своевременным обнаружением фактов хищений, их правильной политической оценкой и юридической квалификацией, тщательным и быстрым расследованием, изобличением виновных, розыском похищенного и принятием мер к предупреждению хищений.

Показ этой практической деятельности, ее положительной и отрицательной сторон поможет практическим работникам улучшать свою работу по борьбе с хищениями социалистической собственности в колхозах.

Именно эту цель преследует данный выпуск «Следственной практики».

Борьба с хищением колхозного имущества не может быть успешной без правильного применения уголовного закона, без правильной юридической квалификации преступлений.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» подлежит неуклонному применению ко всем случаям незаконного обращения в свою собственность государственного или общественного имущества независимо от того, совершается ли это действие путем кражи, растраты, присвоения, злоупотребления служебным положением и т. д.

В силу специального постановления Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. «Об уголовной ответственности за отпуск колхозной продукции бесплатно или по заниженным ценам» подлежат уголовной ответственности по Указу от 4 июня 1947 г. председатели, счетоводы и другие работники колхозов, допускающие бесплатный отпуск или продажу по заниженным ценам продуктов и общественного скота колхозов, а также должностные лица государственных и общественных организаций, виновные в получении продуктов или общественного скота колхозов бесплатно или по заниженным ценам путем использования своего служебного положения.

Поэтому вполне правильно поступила старший следователь прокуратуры Сталинградской области т. Трифонова, квалифицировав по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. не только преступление работников колхоза, присваивавших колхозные деньги, но и действия работников завода «Стройдеталь», которые получали бесплатно в большом количестве продукты из колхоза за оказываемые колхозу услуги по отпуску стройматериалов.

Практика показывает, что в большинстве случаев хищения колхозного имущества, особенно наиболее опасные из них — крупные организованные хищения, совершаются путем преступных махинаций с бухгалтерскими документами.

Составление подложных счетов и расписок, уничтожение расходных документов, фальшивые записи в бухгалтерских книгах, запутывание учета и т. п. — вот обычный арсенал средств, при помощи которых совершаются хищения.

Поэтому в настоящем выпуске «Следственной практики» мы особенно хотели бы обратить внимание следователей на необходимость повышения их мастерства в расследовании хищений, связанных с использованием бухгалтерских документов.

Обычно дела о таких хищениях возникают по материалам ревизий и инвентаризаций.

Однако не часто бывают случаи, когда хищение полностью вскрывается ревизионными материалами. Гораздо чаще дело раскрывается во всей полноте лишь благодаря мастерству следователя.

Нередко преступные махинации совершаются настолько «умело», что раскрытие их требует не только квалифицированной бухгалтерской проверки документов и глубокого бухгалтерского анализа, но и сложных следственных действий, следственной оценки, криминалистического анализа, дающего возможность умелому и добросовестно относящемуся к своему делу следователю раскрывать самые тонкие хитросплетения.

Поэтому в расследовании дел о хищениях колхозной собственности важнейшее значение имеет работа следователя с бухгалтерскими документами.

Следователь — не ревизор и не бухгалтер-эксперт, он не должен и не может производить ревизорские проверки, обследования или давать экспертные заключения по документам и балансам. Однако следователь не должен ограничивать расследование пределами, в которых тот или иной факт установлен ревизией, не должен принимать на веру каждый вывод ревизора.

Используя свое право следственного осмотра документов, следователь сам может, а в ряде случаев, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, обязан тщательно разобраться в документах, проверить их след-

ственным путем, глазами следователя постараться обнаружить в бухгалтерских записях и в документах следы преступления. Разумеется, он может воспользоваться для этого помощью ревизора или эксперта.

Конечно, не следует возводить проверку бухгалтерских документов самим следователем в общее правило. Иногда в этом нет никакой необходимости, и затрата времени и сил следователя на эту работу может оказаться ненужной и принести только вред.

Проверку бухгалтерских документов следователем путем следственного осмотра (конечно, если объем документов не очень велик) можно рекомендовать в случаях, когда: а) есть достаточные основания не доверять ревизионной комиссии или бухгалтеру, проверявшему документы, б) ревизия или иная проверка были произведены неквалифицированными силами и недостаточно глубоко, в) по характеру дела есть основания предполагать, что среди документов есть подложные, которые не могли быть установлены проверяющими лицами, г) ревизия еще не проводилась, а по делу необходима немедленная проверка фактов злоупотреблений.

В настоящем выпуске «Следственной практики» приводится ряд примеров, наглядно иллюстрирующих работу следователя с бухгалтерскими документами в целях раскрытия хищений в колхозе.

Дело, которое расследовал следователь Воскресенского района Горьковской области т. Савицкий, возникло по материалам ревизии Люндовского участка Воскресенской сплавконторы. Материалы ревизии свидетельствовали о путанице в денежных расчетах участка с колхозами, об излишних начислениях денег колхозникам, о нарушениях финансовой дисциплины. Был установлен лишь один факт присвоения бухгалтером участка Беляевым 1548 руб. Обвиняемые признали себя виновными. Не было ничего легче для следователя, как закончить дело по этим фактам и быть довольным, что обвиняемые идут в суд с признанием.

Но т. Савицкого не соблазнил этот легкий путь. Он имел основание сомневаться в том, что ревизоры разобрались в сложных материалах и что все дело исчерпывается вскрытыми фактами: уж слишком охотно обвиняемые признавали эти факты и торопили закончить дело. Следователь сам стал разбираться во взаимора-

счетах лесопункта с колхозами и чем глубже вникал в документы и проверял их следственным путем, тем больше убеждался, что «путаница» во взаиморасчетах с колхозом служит только прикрытием хищений.

В результате было вскрыто крупное хищение, которое совершалось своеобразным способом. Участок легкосплава незаконно перечислял колхозам средства под видом отчислений от заработка колхозников, работавших на участке. Деньги эти затем перегонялись со счета на счет и, наконец, когда их след был достаточно запутан, похищались.

Хорошую работу с бухгалтерскими документами в целях раскрытия хищения в колхозе показал помощник прокурора Кременецкого района Тернопольской области т. Прохоров.

В колхозе имени Жданова преступная группа растаскивала колхозное добро. По материалам дела было видно, что эти лица расхищали колхозную собственность, но задача следователя заключалась в том, чтобы до конца раскрыть хищения в этом колхозе и вывести на чистую воду всех преступников.

Ревизионная комиссия не могла оказать помощи в расследовании, так как члены ревизионной комиссии сами участвовали в хищении. Назначение ревизии силами райсельхозотдела требовало времени и притом не исключалось, что с формальной стороны документы могут оказаться правильными.

Тов. Прохоров взял на себя большую и трудную работу: он стал сам просматривать денежные документы и некоторые из них проверять следственным путем. Его внимание привлекла невинная на первый взгляд операция — получение заимообразно от колхозников денег на расходы по отправке фруктов. Поставив перед собой задачу найти не только злоупотребления, но и скрытые за этим, как ему казалось, крупные хищения при участии большого количества лиц, он детально ознакомился с имевшимися в деле материалами, с состоянием учета в бухгалтерии колхоза, с характеристикой каждого из обвиняемых, проанализировал каждый денежный документ, законность каждой операции. Проверка, проведенная следователем, показала, что некоторые должностные лица колхоза начали заниматься скупкой и перепродажей с корыстной целью фруктов колхозников, а также лиц, не имеющих никакого отношения к колхозу.

Осмотром бухгалтерских документов т. Прохоров выявил также операцию закупки колхозом дощатки на 5480 руб. на базаре у неизвестных частных лиц для изготовления ящиков. Эта операция вызвала сомнение потому, что фамилии продавцов в документах указаны не были. Проверка следственным путем подтвердила, что дощатка не покупалась, а была изготовлена из колхозного лесоматериала. Значит, деньги, якобы уплаченные за дощатку, на самом деле присвоены.

Таким же путем были вскрыты по этому делу и другие преступные махинации.

Такую же настойчивость и инициативу в раскрытии хищения путем тщательного криминалистического анализа бухгалтерских документов и проверки их следственным путем проявил следователь Котовского района Молдавской ССР т. Похис.

Следователь не поверил заверениям бухгалтера колхоза, что председатель колхоза Михальчук отчитался полностью в деньгах, которые числились за ним. Это было не простое недоверие, а сомнение, основанное на подозрительных объяснениях этого факта, когда подотчетное лицо сперва «забыло» о получении денег, а затем «вспомнило», что эти деньги уже израсходованы и что у него имеются расходные документы.

Следователь сам тщательно осмотрел документы, приложенные к отчету, и обнаружил сомнительные счета. При ближайшем рассмотрении и после проверки их следственным путем счета оказались подложными.

Это послужило основанием для проверки и других отчетов, представленных Михальчуком. В результате перед судом предстали за крупное хищение колхозного имущества по Указу от 4 июня 1947 г. и председатель и бухгалтер колхоза.

Следователь г. Измаила т. Пилипенко не удовлетворился тем, что актами двух ревизий колхоза имени 8 Марта было вскрыто несколько фактов хищений колхозного имущества работниками колхоза. Получив сигналы от общественности, т. Пилипенко сам стал проверять некоторые документы и вскрыл еще ряд серьезных фактов хищений.

Следователь Витебского района Витебской области БССР т. Баранова сумела уличить члена правления колхоза имени 17 лет Октября Шишкова в хищении благо-

даря тому, что внимательно изучила и проверила каждый бухгалтерский документ из его авансовых отчетов. К авансовым отчетам Шишкова были приложены счета с отметкой «Уплачено наличными». Все было бы хорошо, если бы ревизия не установила, что купленный товар не поступал в колхоз. Если товар фактически не был получен, а деньги из кассы колхоза изъяты, то, значит, в данном случае деньги остались в кармане у Шишкова. Но каким образом оказались представленными официальные счета на якобы произведенную уплату денег? Следователь доказал, что счета, приложенные к отчету, не являются расходными документами, так как носят предварительный характер для оплаты их через Госбанк. Шишков сам ставил на них украденный им штамп «Уплачено наличными» и представлял с авансовым отчетом в оправдание расхода денег.

Наибольшую опасность представляют организованные хищения колхозной собственности, когда внутри колхоза образуется группа расхитителей, которая устанавливает связь с ворами, орудующими в других организациях. Наличие такой разветвленной группы облегчает совершение хищений, увеличивает, как правило, их размеры и усложняет раскрытие преступления.

Требуется большая настойчивость и инициатива следователя, чтобы выявить все преступные махинации такой шайки.

Важно, чтобы следователь не ограничился установлением факта хищения, а непременно выяснил источники хищения и пути реализации похищенного, вскрыл преступление во всех его разветвлениях.

Инициативу и настойчивость в раскрытии организованного хищения проявил следователь Свердловской облпрокуратуры т. Симонов, расследовавший дело о хищениях, в которых участвовали работники колхоза, сельпо и глубинного пункта «Заготзерно».

Председатель колхоза отправлял хлеб на глубинный пункт «Заготзерно» без взвешивания, а на пункте выдавалась колхозу квитанция в приеме меньшего количества зерна против фактического. Таким образом создавались неучтенные излишки, которые похищались заведующим пунктом Колончуком и председателем колхоза Можейковым. Сбывался украденный хлеб через сельпо, в кото-

ром работали продавцами жена Можейкова и дочь Колончука.

Следователь пошел по пути установления преступных связей между расхитителями, работавшими в различных организациях, и внимательно отнесся к каждому, казалось бы малозначительному, признаку этих связей — к родству, совместным пьянкам и т. д. Легко можно было бы пройти мимо каких-то черновых записей, обнаруженных при обыске у обвиняемого Колончука, но опытный следователь обнаружил в этих записях своеобразную «бухгалтерию», которая велась для учета похищенного зерна.

Преступники были уличены.

Надо отметить, что организация расследования этого хищения не делает большой чести прокуратуре Свердловской области, так как дело сначала расследовалось очень медленно, неумело и возвращалось судом на доследование. И только после передачи дела следователю т. Симонову удалось закончить следствие на удовлетворительном уровне.

Организованные хищения нередко маскируются «недостачами», явившимися будто бы результатом служебных упущений.

Пример успешного расследования такого дела дает в своей статье старший следователь прокуратуры Сталинградской области т. Трифонова.

К сожалению, и в этом случае приходится отметить, что прокуратура Сталинградской области очень долго, терпеливо наблюдала беспомощное и неумелое расследование этого дела прокуратурой района, прежде чем поручить расследование квалифицированному следователю т. Трифоновой.

Следственным отделам областных прокуратур надо сделать из этих двух последних фактов (а такие факты есть и во многих других областях) поучительные выводы: каждое дело о сложном, организованном хищении колхозного имущества следует брать на учет, оперативно контролировать расследование, помогать районным прокуратурам и, если становится очевидным, что районная прокуратура не справляется с расследованием, немедленно поручать расследование более квалифицированному следователю, не дожидаясь, когда расследование отнимет много времени и в нем будут допущены серьезные ошибки, и т. д.

Нельзя не остановить внимания читателя на статье старшего следователя прокуратуры Чкаловской области т. Глазова. Ему пришлось приложить много усилий для того, чтобы раскрыть хищение колхозного имущества и установить подлинных убийц агронома почти через год после того, как это тяжкое преступление было совершено. Но, спрашивается, как могла областная прокуратура длительное время оставлять это дело в руках следователя, который вел следствие до т. Глазова?

Грубейшие ошибки, допущенные первым следователем, в частности пренебрежение к правилам составления протокола осмотра места происшествия и слепое, некритическое расследование только одной версии, указывали с полной очевидностью на его неспособность расследовать это дело.

Умелое производство следственных действий и оперативность в работе следователя представляют собой весьма важные условия успешного расследования преступлений и, в частности, хищений в колхозах.

Примеры удачно проведенных осмотров, обысков, изъятия следов и т. д. содержатся в статьях следователя Тукумского района Латвийской ССР т. Мейрите, следователя Руденского района Минской области т. Гитлина.

Надо особо отметить, что т. Мейрите не только разоблачила воров, но и сумела найти и возвратить колхозу украденный хлеб.

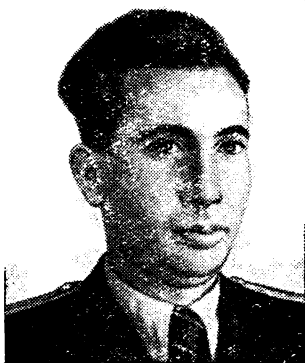
Прокурор следственного отдела прокуратуры Таджикской ССР т. Левиев раскрыл крупное хищение в хлопководческом колхозе имени Андреева Джиликульского района, главным образом благодаря умело проведенным обыскам.

Тов. Левиев правильно предположил, что у лиц, совершающих хищения организованной группой, должна быть своя «бухгалтерия», необходимая им для того, чтобы сводить концы с концами в учете колхозного имущества и производить взаиморасчеты. Обыски однажды уже производились следователем, который раньше вел дело, но ничего обнаружено не было, да и обыски по существу были сведены к поверхностной описи имущества. Тов. Левиеву пришлось производить повторные обыски, которые, как правило, реже бывают эффективными. Но это не остановило следователя. Первый же обыск у обвиняемого завхоза колхоза Тангрикулова дал возможность

т. Левиеву обнаружить записи, послужившие нитью к раскрытию дела. Обнаружив записи в записной книжке и ученической тетради, т. Левиев сделал по характеру этих записей предположение, что у обвиняемого должны быть еще записи. Правильно рассчитав, что после двукратного обыска Тангрикулов перестанет прятать эти записи, т. Левиев произвел третий по счету обыск и обнаружил то, что искал — еще одну книгу с записями, которая сыграла решающую роль.

В расследовании дел о хищениях колхозного имущества еще немало имеется серьезных недостатков.

Перед следователями стоит задача настойчиво повышать мастерство в расследовании дел о хищениях колхозной собственности.

*Народный следователь прокуратуры
Котовского района Молдавской ССР
юрист 3-го класса*

М. Я. ПОХИС

РАССЛЕДОВАНИЕ КРУПНЫХ ХИЩЕНИЙ, СКРЫТЫХ ПОДЛОЖНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ

На примере дела о хищениях в колхозе имени Куйбышева я хочу показать, насколько важно тщательно проверять документы, которыми оперируют преступники, и насколько важно тщательно проверять объяснения лиц, заподозренных в хищении, какими бы «убедительными» документами эти объяснения на первый взгляд ни подтверждались.

В начале 1952 года в прокуратуру Котовского района из районного сельскохозяйственного отдела поступил сигнал о том, что колхоз имени Куйбышева, несмотря на неоднократные напоминания, не представляет финансового отчета за 1951 год, чем срывает представление сводного отчета по району.

Имея основания предполагать, что за этим могут скрываться злоупотребления, прокурор вызвал для объяснения бухгалтера колхоза Дулоглу. После некоторого замешательства Дулоглу пояснил, что никак не может «свести» годовой отчет, так как согласно выписке Госбанка значится, что со счета колхоза по чеку на предъявителя 23 октября 1951 г. получено кем-то 13 тыс. руб., которые в кассу колхоза не поступали. Дулоглу пояснил,

что чековая книжка колхоза постоянно хранилась у него, но в двадцатых числах октября 1951 года он, уезжая в краткосрочный отпуск, оставил ее председателю колхоза Михальчуку, подписав предварительно несколько чеков. По предположению Дулоглу, Михальчук мог это использовать и получить деньги со счета колхоза.

Районный прокурор познакомил меня с объяснениями Дулоглу, и мы решили ознакомиться в отделении Госбанка с чеком, по которому было получено 13 тыс. руб.

Фото № 1. Чек на 13 тыс. руб., по которому Михальчук получил деньги в Котовском отделении Госбанка.

Чек не оставлял сомнений в его подлинности: он был подписан Михальчуком и Дулоглу и скреплен печатью колхоза (фото № 1). Однако, кто получил деньги по этому чеку, в банке нам сказать не могли, так как при выдаче денег по предъявительским чекам расписки получателя не требуется.

В тот же день, побывав в колхозе имени Куйбышева, я убедился, что 13 тыс. руб. в колхозе оприходованы не были.

Материалы проверки послужили основанием к возбуждению уголовного дела.

Допрошенный по этому поводу Михальчук отрицал получение денег по предъявительскому чеку и чековой книжки от Дулоглу. Михальчук предположил, что деньги мог из банка получить и присвоить Дулоглу, так как были случаи, когда он по просьбе Дулоглу подписывал и заверял печатью колхоза чистые бланки чеков.

Выяснилось также, что чековая книжка находилась всегда в столе бухгалтера и достать ее оттуда сложности не представляло.

На основании данных, которыми я располагал, можно было предполагать, что деньги в сумме 13 тыс. руб. получены и присвоены либо Михальчуком, либо Дулоглу, либо третьим лицом, либо этими лицами по договоренности между собой. Все эти версии были одинаково вероятны.

Как я уже говорил, никто из работников отделения Госбанка не мог припомнить, кем 23 октября были по чеку колхоза получены деньги. Допрос этих работников нам ничего не дал.

Для установления возможного круга свидетелей, которые могли быть очевидцами того, кто получал деньги, я осмотрел все документы отделения Госбанка по выдаче денег за 23 октября. Круг лиц, получивших в этот день деньги в банке, оказался значительным, но среди них мое внимание привлекла лишь бухгалтер сельской школы Соловьева. Мне было известно, что Михальчук работал ранее там же и сотрудники школы были с ним хорошо знакомы.

Соловьева была допрошена. Она сообщила, что 23 октября видела в районном отделении Госбанка Михальчука, получавшего деньги. Более того, Соловьева припомнила, что Михальчук обратился с просьбой к кассиру лесхоза Седовой заполнить ему чек на получение денег и Седова эту просьбу выполнила.

Седова подтвердила показания Соловьевой, объяснив, что выполнила просьбу Михальчука, так как он сказал, что не знает, как заполняются чеки.

Изобличенный этими доказательствами, Михальчук изменил свои показания. Он «вспомнил», что получил из банка 13 тыс. руб., но заявил, что их не присваивал, а израсходовал на нужды колхоза.

Михальчук обещал сразу же по возвращении из прокуратуры в колхоз сдать в бухгалтерию

документы, подтверждающие израсходование им этой суммы.

На следующий день с тем, чтобы проверить, действительно ли Михальчук отчитался в полученной им сумме, был произведен осмотр кассовой книги колхоза. В книге оказались две записи, свидетельствующие о поступлении в кассу от Михальчука по приходному кассовому ордеру от 31 декабря 1951 г. 13 тыс. руб. и о выдаче в тот же день этой суммы Михальчуку в подотчет, что было оформлено расходным ордером.

Подписей кассира о выдаче и получении 13 тыс. руб. на ордерах не было. Кассир колхоза отрицал как получение, так и выдачу денег Михальчуку.

Дулоглу же пояснил, что фактически Михальчук полученные из банка деньги не сдавал и из кассы колхоза не получал, но записями в кассовой книге, сделанными задним числом, он «узаконил» получение денег Михальчуком. Дулоглу пытался меня убедить, что в этом нет ничего незаконного, так как Михальчук уже представил авансовый отчет в израсходовании им по состоянию на 31 декабря 1951 г. 11 196 руб.

Все происшедшее Дулоглу сводил к небольшому недоразумению.

Документы, приложенные к авансовому отчету Михальчука, были мною тщательно осмотрены.

Среди них были, в частности, счет Кишиневской автотранспортной конторы на сумму 2451 руб. за перевозку различных грузов, два счета магазина хозяйственных товаров на 2359 и 2248 руб. и счет магазина «Электрооборудования» на сумму 2900 руб.

Внимательный осмотр этих счетов привел меня к убеждению, что они являются сомнительными документами. Их реквизиты были неполными или неправильными: на трех счетах, например, отсутствовала дата. Все счета были скреплены печатями, текст которых нельзя было разобрать даже при рассмотрении в лупу, но по очертаниям можно было предположить, что оттиски сделаны одной и той же печатью.

Почерки, которыми были написаны счета двух разных магазинов, были удивительно похожи и напоминали вместе с тем почерк Михальчука.

В числе оправдательных документов был счет магазина хозяйственных товаров, имевший дату 1 июля 1951 г. (напом-

[illegible]

мог отчитаться по состоянию на 31 декабря 1951 г. Сопоставление дат счетов и получения Михальчуком денег давало основание сомневаться в подлинности этих счетов.

Далее, на счетах имелись отметки «Уплачено наличными», хотя они должны были быть оплачены в порядке безналичного расчета. На обороте всех счетов (кроме счета «Союзпечати») имелась надпись: «Материал принял кладовщик колхоза». Подпись кладовщика, однако, отсутствовала.

Все эти документы были изъяты.

Продолжая осмотр бухгалтерских документов, я установил, что Михальчук не впервые отчитывается такими сомнительными документами. Оказалось, что им было (если не считать 13 тыс. руб.) получено в течение 1951 года 17 850 руб., в израсходовании которых он отчитался перед бухгалтерией колхоза различными счетами, оформленными, примерно, так же, как и те, о которых я говорил выше.

Большая часть этих счетов тоже была скреплена, по-видимому, одной и той же печатью. На одном из оттисков печати на счете Котовского сельпо мне удалось разобрать слово «Совнархоз» (фото № 2).

Эти документы были также изъяты.

Для проверки финансово-хозяйственной деятельности колхоза имени Куйбышева, по нашему письму, районным сельскохозяйственным отделом была назначена ревизия.

Вместе с тем я сразу же занялся глубокой проверкой всех документов, представлявших Михальчуком с его авансовыми отчетами.

В результате выяснилось, что большинство из этих документов являются подложными. Оказалось, что материалы, на которые представлялись Михальчуком счета, как правило, действительно приобретались в магазинах и приходовались по кладовой, но колхоз платил за них не наличными, а по перечислению через отделение Госбанка. Таким же способом оплачивались колхозом и автотранспортные расходы.

Бухгалтер колхоза Дулоглу не мог этого не знать, но, как было впоследствии доказано, он, являясь соучастником преступлений Михальчука, сам был заинтересован в приеме с авансовыми отчетами к оплате заведомо неправильных документов, по которым оплата была уже произведена.

Назначенная мною криминалистическая экспертиза пришла к выводу, что большинство счетов заполнено

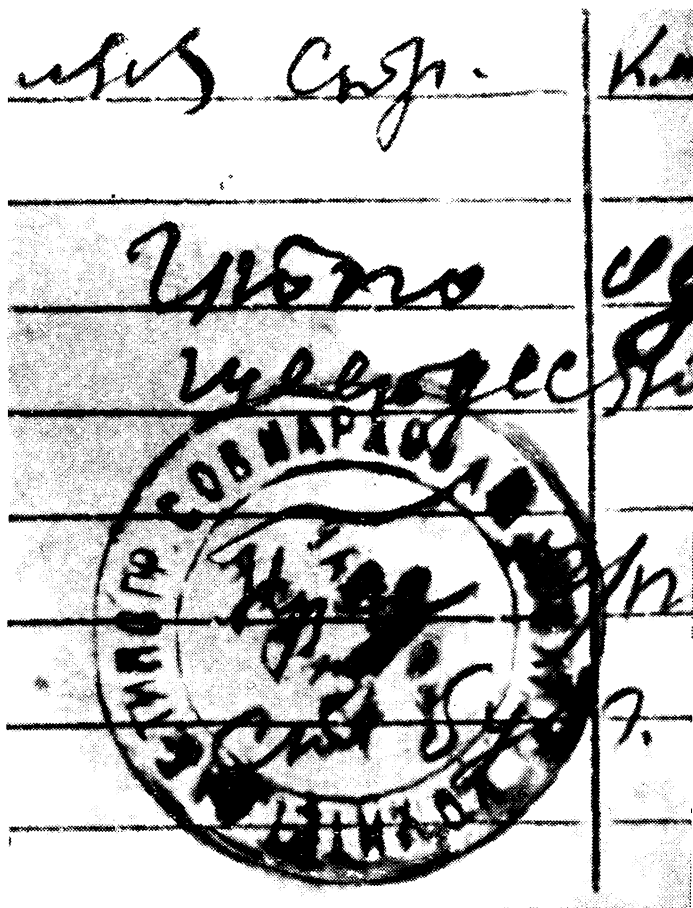

Фото № 3. Отгиск печати с текстом: «Типогр. Совнархоза Тверской губернии». Этой печатью было заверено большинство счетов, сфабрикованных Михальчуком.

самим Михальчуком и заверено печатью с текстом: «Типогр. Совнархоза Тверской губернии» (фото № 3).

Счет «Союзпечати», как было установлено, Михальчук получил обманным путем. Явившись к представителю «Союзпечати» Михай, он попросил подписать колхоз дополнительно на ряд газет и журналов. Михай выполнила

его просьбу и подготовила счет для того, чтобы колхоз мог перечислить деньги через банк. Михальчук заявил, что на счете колхоза в банке деньги отсутствуют, поэтому он попросил Михай указать уплату «наличными», сказав, что оплата будет именно так и произведена.

Михай выполнила эту просьбу. Получив счет, Михальчук приложил его к своему отчету и закончил на этом свою «заботу» о культурных потребностях колхозников, а деньги присвоил.

Арестованный на основании указанных выше доказательств, Михальчук вынужден был признать, что большинство счетов действительно являются подложными и были им сфабрикованы с тем, чтобы «погасить» задолженность по подотчетным суммам.

По поводу печати на фальшивых документах Михальчук показал, что он ее получил от лица, фамилию которого не помнит и местонахождение которого не знает.

Признав подложность счетов и присвоение им некоторой суммы из подотчетных денег, Михальчук вместе с тем уверял меня, что большую часть денег он израсходовал на приобретение леса и его перевозку. Лес — доски и кругляк — он покупал за наличные деньги у частных лиц, поэтому вынужден был для отчета оформить покупку фиктивными документами. Как заявлял Михальчук, колхозные постройки, возведенные из купленного им леса, налицо, и поэтому нет никаких оснований сомневаться в правдивости его показаний.

Объяснения Михальчука были тщательно исследованы.

Оказалось, что они полностью несостоятельны.

Во-первых, было установлено, что никаких лесоматериалов по кладовой колхоза не приходовалось.

Во-вторых, допросами всех рабочих строительной бригады колхоза было доказано, что для возведения построек они по указанию Михальчука разобрали старую мельницу и сарай и ни одного кубометра леса ни от Михальчука, ни от кого-либо другого не получали.

В-третьих, эксперты произвели обмеры всех вновь возведенных колхозных сооружений и определили, что на них было израсходовано около шести кубометров леса — намного меньше того количества, которое, по заявлению Михальчука, он приобрел.

Свою дальнейшую работу по расследованию преступления я вел в тесном контакте с ревизором. Он мне в процессе ревизии сообщал о выявленных им подозрительных операциях и документах, а я немедленно принимал меры к их исследованию. Такой метод работы значительно сократил срок следствия, так как к моменту окончания ревизии я уже проверил все факты, перечисленные в поступившем ко мне акте ревизии.

Приведу некоторые из эпизодов этого дела, которые были раскрыты с помощью ревизора.

Ревизор заметил, что в книге кладовщика колхоза Замостяна имеются исправления цифр, характеризующих операции по приходу и расходу картофеля и лука.

Кроме того, ревизор указал, что согласно документам колхозом отправлено на Кишиневский завод в счет государственной поставки 6000 кг подсолнуха. Между тем соответствующей квитанции в делах колхоза не оказалось.

Кладовщик Замостян объяснил исправления в книге ошибкой, допущенной им при подсчетах. Не удовлетворившись этим объяснением, я дал ревизору указание произвести сверку данных бригадира огородной бригады колхоза о сдаче в кладовую лука и картофеля с данными кладовщика Замостяна.

Не ожидая результатов сверки, я выехал в Кишинев для исследования эпизода, связанного со сдачей на маслобойный завод 6000 кг подсолнуха.

Зная, что вторые экземпляры квитанций на сдаваемые колхозами в счет государственных поставок сельскохозяйственные продукты направляются районному уполномоченному Министерства заготовок СССР, я удостоверился, что квитанции на сдачу такого количества подсолнуха колхозом имени Куйбышева там не имеется. Следовательно, можно было полагать, что 6000 кг подсолнуха в действительности колхозом государству не сдавались.

Это впоследствии полностью подтвердилось.

В накладных колхоза, по которым подсолнух был сдан заводу, указывалось, что подсолнух направляется на переработку, а отнюдь не в счет государственных поставок. Из «анализов-ордеров», составленных на заводе после переработки подсолнуха, и из накладных завода

было видно, что из подсолнуха выработано 1115,2 кг масла.

Однако это масло не было направлено колхозу. По доверенности, подписанной Михальчуком и Дулоглу, его получил с завода работник Главного управления промышленности строительных материалов Молдавской ССР Слуцкий. Изъяв все документы по операции с подсолнухом и пропуск завода на вывоз масла, я допросил Слуцкого.

Слуцкий подтвердил факт получения им подсолнечного масла и пояснил, что Михальчук и Дулоглу обратились в местный комитет Главного управления, которое шефствовало над колхозом, с предложением продать для работников Управления подсолнечное масло, картофель и лук. Местком согласился с этим предложением и собрал деньги с сотрудников, желающих приобрести продукты.

Деньги были вручены Михальчуку и Дулоглу, после чего они передали Слуцкому доверенность на получение с завода масла и продали для сотрудников Управления 9500 кг картофеля и 500 кг лука.

В подтверждение своих показаний Слуцкий предъявил частные расписки Михальчука в получении 3000 и 6000 руб. и два корешка приходных ордеров, которыми удостоверялось получение Михальчуком 1200 и Дулоглу 8038 руб.

Возвратившись в колхоз, я установил, что эти деньги не были оприходованы кассой колхоза. К моему приезду были выверены и результаты сверки данных бригадира огородной бригады и кладовщика Замостяна. Оказалось, что Замостян оприходовал на 9500 кг картофеля и 500 кг лука меньше, чем, по данным бригадира, сдавалось в кладовую. Было очевидно, что именно в результате этой преступной операции Михальчук и Дулоглу получили возможность похитить и продать картофель и лук сотрудникам Главного управления промышленности строительных материалов.

Замостян, допрошенный вновь, изменил свои показания, объяснив, что исправления в сторону уменьшения данных о приходе картофеля и лука им сделаны по указанию Дулоглу, а не явились результатом ошибки.

Так, шаг за шагом, раскрывались преступные махинации расхитителей. Возникал вопрос, как могли эти

махинации остаться незамеченными ревизорами, проводившими до этого ревизии в колхозе? И на этот вопрос я нашел ответ. Оказалось, что Дулоглу (он полностью признал себя виновным в совершенных преступлениях) дал взятку в сумме 3000 руб. бухгалтеру колхоза «Драпелу Рошу» Сургучеву, который по поручению районного сельскохозяйственного отдела проводил в свое время ревизию колхоза имени Куйбышева и составил акт ревизии, угодный Михальчуку и Дулоглу.

Михальчук, злоупотребления которого были скрыты благоприятным актом ревизии, продолжал при активном участии Дулоглу свою преступную деятельность, не брезгуя никакими способами присвоения общественного добра. Он украл в колхозе два телефонных аппарата и незаконно получил по трудодням свыше 10 тыс. руб., украл 7 колхозных ульев и 20 метров мануфактуры, приобретенных для оформления колхозной выставки.

В порядке шефской помощи Главное управление промышленности стройматериалов поручило инженеру т. Иващенко составить проект и смету на постройку колхозной электростанции и линии электропередачи. Михальчук решил и эту шефскую помощь использовать в своих преступных целях. Им было составлено фиктивное трудовое соглашение, согласно которому Иващенко брал на себя работу по составлению проекта и смет, а колхоз уплачивал ему за это 5700 руб. К этому трудовому соглашению Михальчук приобщил несколько сфабрикованных им расписок от имени Иващенко в получении 5700 руб. Этими документами Михальчук отчитался за подотчетные суммы.

На очной ставке с Иващенко Михальчук сразу же сознался в фиктивности всех этих документов.

Всего, как установлено следствием, Михальчук и Дулоглу присвоили свыше 90 тыс. руб. Они были привлечены к уголовной ответственности по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

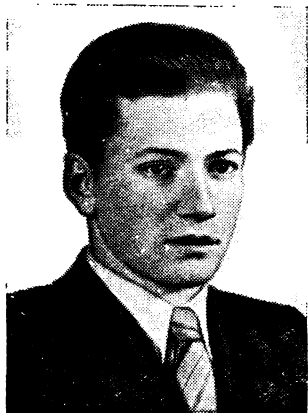
За злоупотребления по службе был привлечен к уголовной ответственности по ст. 97 УК УССР (ст. 109 УК РСФСР) и кладовщик Замостян, который по указанию Дулоглу внес в учетную книгу заведомо ложные записи о количестве поступившего в кладовую картофеля

и лука, что было использовано Михальчуком и Дулоглу в целях хищения.

В отношении ревизора Сургучева дело было выделено в отдельное производство, так как на него в другой прокуратуре велось уголовное дело. Туда я направил изобличающие его материалы.

Следствие я закончил за 40 дней. Все привлеченные мною к уголовной ответственности лица были осуждены.

Ущерб, причиненный преступными действиями расхитителей, в значительной мере был покрыт их имуществом благодаря своевременному наложению на него ареста.

*Народный следователь
прокуратуры Воскресенского района
Горьковской области
младший юрист*

З. М. САВИЦКИЙ

НАСТОЙЧИВАЯ РАБОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ С БУХГАЛТЕРСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ ПОМОГЛА ВСКРЫТЬ ХИЩЕНИЕ

В прокуратуру Воскресенского района Горьковской области поступило письмо из отдела сельского хозяйства исполкома Юринского райсовета Марийской АССР, в котором сообщалось, что при ревизии колхоза имени Сталина установлены факты незаконного использования руководителями Люндовского участка Воскресенской сплавконторы текущего счета этого колхоза в местном отделении Госбанка. В письме указывалось, что старший бухгалтер участка Беляев начислил колхозу имени Сталина 1693 руб. в виде десятипроцентных отчислений от заработка колхозников, работавших на участке в порядке организованного набора рабочей силы. Кроме того, Беляев зачислил на лицевой счет этого же колхоза еще 1957 руб., списав их с лицевого счета колхоза «Победа». Начисленные таким образом колхозу имени Сталина 3650 руб. были впоследствии получены Беляевым же из Госбанка по чекам колхоза. Однако при проверке в бухгалтерии Люндовского участка сумма 3650 руб. оказалась неоприходованной.

Из объяснения Беляева следовало, что деньги действительно были им получены из Госбанка по чекам колхоза, но по кассе участка не оприходованы, а переданы им непосредственно начальнику участка Мягкову.

На основании указанного сообщения прокурор района потребовал от управляющего Воскресенской сплавконтрой немедленно произвести ведомственную ревизию деятельности Люндовского участка и при этом обратить особое внимание на расчеты участка с колхозами имени Сталина и «Победа».

Ревизионная комиссия зафиксировала в своем акте, что расчеты участка с колхозами имени Сталина и «Победа» по начислению этим колхозам 10 процентов от заработка колхозников, работавших на участке в порядке организованного набора рабочей силы, производились, согласно действующему законодательству, правильно. Однако в том же акте отмечалось, что участком были допущены нарушения финансовой дисциплины, выразившиеся, в частности, в том, что участок по просьбе правления колхоза «Победа» перечислил в счет уплаты долга причитающиеся этому колхозу 10 процентов отчислений от заработка колхозников в сумме 1957 руб. на текущий счет колхоза имени Сталина, а также 1020 руб. орсу Юринского леспромхоза, неизвестно по каким расчетам.

В одном из документов, подтверждающих, что указанные операции сплава участка производил по просьбе колхоза «Победа», обращало на себя внимание необычное расположение штампа. Штамп был поставлен не на лицевой, а на обратной стороне документа, после текста и подписи председателя колхоза (фото №№ 1 и 2).

В акте ревизии отмечался также факт незаконного получения старшим бухгалтером сплава участка Беляевым 3650 руб. из Госбанка по чекам колхоза, но тут же оговаривалось, что эти деньги уже возвращены колхозу, о чем свидетельствовала приложенная к акту квитанция к приходному кассовому ордеру от 5 августа 1951 г. на 3650 руб.

Кроме того, в акте упоминалось о факте присвоения Беляевым 1548 руб. путем подделки расходных документов.

Мягков и Беляев согласились с отмеченными в акте фактами нарушения финансовой дисциплины, а Беляев

Окраска
 Наше колхозом по договору
 Шатуновского Оу-ки по
 договору догчета с колхозом
 в том числ. деятельности
 колхоза в 1954 году
 унаследован от колхоза
 в 1954 году 1300 руб. и
 1000 руб. в 1955 году
 1000 руб. в 1956 году
 1000 руб. в 1957 году
 1000 руб. в 1958 году
 1000 руб. в 1959 году
 1000 руб. в 1960 году

Фото № 1. Лицевая сторона документа.

Генеральный директор
 Осиповская
 Артель
 "ПОБЕДА"
 Егорьевского района
 13 0 54
 1954 г.

Фото № 2. Обратная сторона документа.

Штамп был поставлен не на лицевой, а на обратной стороне документа, после текста и подписи председателя колхоза.

также признал и присвоение им 1548 руб., которое он совершил, по его утверждению, «по своей старости и глупости».

Прокурор возбудил уголовное дело, расследование которого было поручено мне.

Приняв дело к своему производству, я тщательно изучил его и составил подробный план расследования.

Меня насторожила та готовность, с которой Мягков и Беляев признавали допущенные ими нарушения финансовой дисциплины, а Беляев — даже и присвоение 1548 руб.

Мне казалось, что за запутанными расчетными операциями сплава участка с колхозами скрываются хищения государственных или колхозных средств. Но каким путем совершались эти хищения, мне, естественно, в то время еще не было ясно.

Прежде всего я решил выяснить: 1) в погашение какого долга колхоз «Победа» просил сплавучасток перечислить 1957 руб. колхозу имени Сталина; 2) за что сплавучасток перечислил по просьбе колхоза «Победа» 1020 руб. орсу Юринского леспромхоза; 3) какова была действительная цель получения Мягковым и Беляевым из Госбанка по чекам колхоза имени Сталина 3650 руб. и возвращены ли эти деньги в колхоз.

Необходимо было также проверить показания Беляева о присвоении им 1548 руб.

Я предполагал сначала допросить председателя колхоза «Победа» Потанина. Однако Потанин в это время находился в гор. Горьком на курсах председателей колхозов, поэтому начать следствие с его допроса не пришлось. Обязав его явиться в районную прокуратуру, я, не теряя времени, приступил к другим следственным действиям.

Вызванный на допрос председатель колхоза имени Сталина Сизов по интересующим меня вопросам пояснил, что между колхозом имени Сталина и колхозом «Победа» было заключено соглашение, согласно которому колхоз имени Сталина должен был своим транспортом доставить колхозу «Победа» такелаж, необходимый для сплава леса. Стоимость перевозки такелажа соглашением не была установлена, но колхоз «Победа» должен был уплатить аванс в размере 2500 руб. Часть этого аванса в сумме 1957 руб. якобы и была перечислена колхозу

имени Сталина Люндовским сплавучастком по просьбе колхоза «Победа». Кроме того, 1693 руб. были начислены колхозу как десятипроцентные отчисления от заработка колхозников, работавших на участке в 1950—1951 гг. Однако по просьбе Мягкова и Беляева, утверждавших, что у них на участке из-за отсутствия денег может сорваться сплав древесины, он, Сизов, выдал им два чека: на 2650 руб. и 1000 руб., по которым ими и были получены деньги из Госбанка, а в колхоз предъявлены квитанции к приходному кассовому ордеру на 3650 руб. Почему эти деньги оказались неоприходованными на участке — ему неизвестно. В дальнейшем, после обнаружения этого факта ревизором, 3650 руб. были возвращены Беляевым колхозу.

Показания Сизова, таким образом, целиком совпадали с объяснениями Мягкова и Беляева. Чтобы проверить их, я потребовал от Сизова представить в прокуратуру соглашение с колхозом «Победа» о перевозке такелажа, на основании которого колхозу имени Сталина было перечислено 1957 руб. Однако Сизов заявил, что оба экземпляра соглашения находятся у председателя колхоза «Победа» Потанина, а поэтому он не может представить требуемый документ.

Тем временем из конторы сплавучастка были изъяты и приобщены к делу расчетные ведомости, по которым Мягков и Беляев производили десятипроцентные отчисления в пользу колхозов «Победа» и имени Сталина от заработка колхозников, работавших на участке в порядке организованного набора рабочей силы. Прежде чем приступить к проверке этих ведомостей, я ознакомился с ведомственными приказами и инструкциями, определяющими порядок этих отчислений.

Затем с помощью работников отдела кадров сплавконторы и бухгалтеров колхозов «Победа» и имени Сталина были тщательно проанализированы расчетные ведомости Люндовского сплавучастка. В результате выяснилось, что одни из указанных в ведомостях лиц вообще не являлись колхозниками, а другие самовольно ушли из колхоза и работали без заключения договоров. Как было установлено, некоторые из внесенных в расчетные ведомости колхозников работают в составе постоянных кадров сплавучастка уже в течение нескольких лет, и с их заработков не должны были производиться отчисления в

пользу колхоза. Попали в расчетные ведомости даже «мертвые души», т. е. лица, которые в свое время работали на сплаве леса, но затем были осуждены к лишению свободы и отбывали наказание. В ведомостях не оказалось ни одного человека, от заработка которого сплавучасток действительно должен был бы отчислять 10 процентов в пользу колхозов «Победа» и имени Сталина.

Стало ясно, что колхозам фиктивно начислялись деньги, которые им не полагались, что эти деньги затем перебрасывались преступниками со счета на счет и, наконец, психищались. Оставалось установить подробности этих операций, выяснить природу и авторов предъявленных ревизионной комиссии писем колхоза «Победа» с просьбой к сплавучастку о перечислении денег на текущие счета других организаций и выявить роль должностных лиц колхозов в этих хищениях.

Из сплавконторы было истребовано платежное поручение колхоза «Победа», по которому Ляндовский сплавучасток перечислил 1020 руб. орсу Юринского леспромхоза. В нем было указано, что деньги перечисляются за товары для колхоза «Победа» по счету Абросимовского магазина орса.

Необходимо было проверить, какие товары были получены колхозом и кто их получил. Я вызвал для допроса в качестве свидетеля заведующую абросимовским магазином Орлову, являющуюся, как выяснилось впоследствии, родной дочерью Беляева. Скрыв от следователя, что Беляев ее отец, Орлова пояснила, что Мягков и Беляев договорились с ней о том, что они по поручению колхоза «Победа» перечислят на счет орса деньги и что на эту сумму колхоз «Победа» получит из магазина товары. В том же месяце в магазин явились двое неизвестных ей людей и предъявили копию платежного поручения Ляндовского сплавучастка на 1020 руб. Орлова выдала этим людям из магазина маргарин, водку, мануфактуру и другие товары, а копию поручения приложила к своему отчету. Кто и откуда были эти двое неизвестных, она не поинтересовалась и доверенности колхоза «Победа» у них не потребовала.

У меня возникло сомнение в том, поступили ли эти товары в колхоз «Победа», поэтому вызвал в прокуратуру счетовода колхоза «Победа» Шохрову. В повестке было указано, чтобы она явилась со всеми документами

по расчетам колхоза с Люндовским сплавучастком, Абросимовским магазином и колхозом имени Сталина. Однако, явившись на допрос, Шохрова не принесла с собой никаких документов. На мой вопрос, почему она не захватила с собою документов, она заявила, что приносить нечего, так как колхоз «Победа» ни с Люндовским сплавучастком, ни с Абросимовским магазином, ни с орсом Юринского леспромхоза, ни с колхозом имени Сталина никаких расчетов не имел и не имеет. Денег за товары колхоз в орс Юринского леспромхоза не перечислял, и никаких товаров из Абросимовского магазина орс в колхоз не поступало. Она ничего не знает о том, что сплавучасток начислил колхозу десятипроцентные отчисления от заработка колхозников, но члены колхоза «Победа» на участке, кажется, работали. О том, что колхоз имени Сталина перевозил своим транспортом такелаж колхозу «Победа» и что за это ему через сплавучасток было перечислено 1957 руб., она также слышит впервые.

Тогда Шохровой были предъявлены приложенные к акту ведомственной ревизии письма колхоза «Победа», адресованные Люндовскому участку с просьбой о перечислении денег колхозу имени Сталина и орсу Юринского леспромхоза. Ознакомившись с документами, на которых имелись подпись председателя колхоза Потанина, штамп и печать колхоза «Победа», она заявила, что видит эти документы впервые и что если указанные в письмах операции действительно имели место, то она о них ничего не знает, хотя как счетовод должна была бы знать. Получив повестку следователя, она и не искала указанных в ней документов, так как была уверена, что таких документов в колхозе нет, теперь же она не может сказать что-либо определенное, так как ее сбили с толку предъявленные ей в прокуратуре письма колхоза участку.

Вид у Шохровой действительно был растерянный.

Не верить показаниям Шохровой у меня не было оснований, но их необходимо было проверить другими доказательствами.

Из колхоза «Победа» была истребована и поступила официальная справка об отсутствии взаимных расчетов между колхозом и Люндовским сплавучастком, а также Абросимовским магазином и орсом Юринского леспромхоза.

К этому времени из г. Горького приехал, наконец, бывший председатель колхоза «Победа» Потанин. Прежде чем явиться в прокуратуру, он, как потом выяснилось, побывал в своем колхозе и там узнал о ведущемся расследовании и о причине вызова его, Потанина, на допрос. Поняв, что преступление раскрыто, Потанин на первом же допросе рассказал все, что ему было известно по делу.

Потанин заявил, что в октябре 1951 года на рынке в селе Воскресенском к нему подошли Мягков и Беляев и попросили его «выручить в одном деле». «Дело» это, как объяснили Мягков и Беляев, заключалось в том, что они незаконно начислили колхозу «Победа» 3650 руб. в виде десятипроцентного отчисления за рабочую силу, а затем из этих денег 1957 руб. перевели на счет колхоза имени Сталина и 1020 руб. на счет орс Яуринского лес-промхоза. Ревизией же колхоза имени Сталина эта операция была вскрыта, и поэтому они просили у Потанина подтверждения в том, что указанные перечисления произведены якобы по просьбе колхоза «Победа».

Потанин сначала отказался дать такую справку, но Мягков, являвшийся зятем Потанина, после этого не менее пяти раз приезжал к нему и со слезами умолял дать справки и тем спасти его от тюрьмы, так как на участок должны приехать ревизоры. В конце концов Потанин все же уступил просьбам своего зятя и выдал ему два фиктивных письма: одно с просьбой к сплавучастку о перечислении колхозу имени Сталина 1957 руб., а второе с просьбой перечислить 1020 руб. орсу Яуринского лес-промхоза. Письма эти писались в октябре, но по просьбе Мягкова Потанин датировал их маем. В тот же день в колхоз приехал вместе с Беляевым ревизор Воскресенской сплавконторы, и Потанин выдал справку, подтверждающую правильность писем сплавучастку, предъявленных Мягковым и Беляевым.

На вопрос, чем он думал обосновать просьбу о перечислении колхозу имени Сталина 1957 руб., Потанин ответил, что с этой целью в октябре было составлено фиктивное соглашение между колхозами «Победа» и имени Сталина, написанное по его указанию счетоводом колхоза «Победа». По этому соглашению колхоз имени Сталина якобы должен был своим транспортом перевезти колхозу «Победа» такелаж, а колхоз «Победа» — уплатить за эту работу 2500 руб., в счет которых и было

перечислено колхозу имени Сталина 1957 руб. Фактически никакого такелажу колхоз имени Сталина для колхоза «Победа» перевозить не был должен.

Это соглашение было передано Мягкову, который отвез его на подпись Сизову, после чего вернул оба экземпляра Потанину, но последний их не подписал и оставил у себя. Никаких отчислений колхозу «Победа» не полагалось, так как договоров об организованном наборе рабочей силы между колхозом и сплавучастком не заключалось. Тут же Потанин предъявил оба экземпляра фиктивного соглашения, подписанных Сизовым и скрепленных печатью колхоза имени Сталина. Эти документы были приобщены к делу.

Потанин также заявил, что к нему, как только он по вызову следователя явился из г. Горького домой, пришел рабочий сплавучастка Баламутин и передал, что Мягков просил его, Потанина, на допросе в прокуратуре «говорить так, как была договоренность». Допрошенный по этому поводу Баламутин подтвердил показания Потанина.

Бывший счетовод колхоза «Победа», работавший до Шохровой, подтвердил, что им по требованию председателя колхоза было написано заведомо фиктивное соглашение между колхозами «Победа» и имени Сталина.

Мягков был вызван в прокуратуру и ознакомлен с результатами проверки расчетных ведомостей и показаний Потанина. Он тем не менее голословно продолжал утверждать, что колхозам «Победа» и имени Сталина деньги были начислены на законном основании и что письма колхоза «Победа» к сплавучастку являются правильными. С целью затянуть следствие Мягков заявил, что договоры участка с колхозами об организованном наборе рабочей силы находятся в делах сплавучастка, рассчитывая, что ввиду больших снежных заносов я в ближайшее время не смогу проехать к участку, расположенному в 30 км от районного центра, и проверить его показания. Деньги в сумме 3650 руб., заявил Мягков, взятые заимообразно по чекам колхоза имени Сталина, давно возвращены колхозу.

Очная ставка Мягкова с Потаниным, произведенная в присутствии прокурора, почти не дала результатов. Я пишу «почти» потому, что хотя Мягков продолжал настаивать на своей версии, но делал это с трудом,

избегая смотреть Потанину в глаза, казался смущенным. Чувствовалось, что он понимает бесполезность дальнейшего заpirательства, но у него не хватает смелости произнести первое слово признания. Поведение Мягкова во время очной ставки укрепило мою уверенность в том, что он дает ложные показания.

После очной ставки ко мне подошел Потанин и сообщил, что Мягков только что сказал ему о своем намерении рассказать следователю правду, но пока не решается этого сделать, так как думает, что, может быть, ему еще удастся «выпутаться».

Необходимо было использовать эти колебания Мягкова и путем предъявления новых доказательств убедить его в бессмысленности дальнейшего заpirательства. Сразу же была произведена очная ставка Мягкова с Баламутиным. На внезапно поставленный вопрос: о какой договоренности он просил Баламутина напомнить Потанину перед вызовом последнего в прокуратуру, Мягков не смог дать вразумительного ответа, стал путаться и, наконец, признался в совершенном преступлении.

Мягков заявил, что в марте 1951 года Беляев ему сказал, что перечислил на счет колхоза имени Сталина 3650 руб., из которых 1653 руб. составляют 10 процентов отчисления за рабочую силу и 1957 руб.— долг колхоза «Победа». Он, Мягков, якобы не знал тогда, полагались ли этим колхозам десятипроцентные отчисления за 1950—1951 гг. В апреле 1951 года в конторе участка Беляев передал ему конверт, в котором оказались 1650 руб. и записка. В записке Беляев писал, что передает ему половину денег из тех, которые он, Беляев, перечислил колхозу имени Сталина. Но на другой день Мягков якобы вернул Беляеву эти деньги.

По показаниям Мягкова, Беляев после ревизии колхоза имени Сталина, обнаружившей незаконную операцию, внес в кассу колхоза часть денег, но председатель колхоза Сизов выдал ему квитанцию и приходный кассовый ордер на всю сумму 3650 руб. Этими деньгами Беляев с ним не делился. О перечислении Беляевым 1020 руб. в орс Юринского леспромхоза он, Мягков, якобы узнал от Беляева только накануне первого вызова в прокуратуру. Перед ревизией сплавучастка он вместе с Беляевым просил Потанина дать им письменное под-

тверждение в том, что перечисления колхозу имени Сталина и в орс Юринского леспромхоза производились сплавучастком якобы по просьбе колхоза «Победа», и после нескольких настойчивых просьб Потанин выдал просимые подтверждения, которыми была введена в заблуждение ревизионная комиссия сплавконторы.

Мягков был арестован. В тот же день был арестован и Беляев, который, узнав о показаниях Мягкова, сознался в хищении 3650 руб., перечисленных на счет колхоза имени Сталина, и 1020 руб., перечисленных на счет орс Юринского леспромхоза, а также в присвоении государственных средств путем подделки обнаруженных ревизией расходных документов на сумму 1548 руб. Это признание было мною в дальнейшем проверено и подтверждено рядом других доказательств.

Беляев показал, что с ведома и согласия Мягкова он незаконно начислил колхозу имени Сталина 1693 руб. и колхозу «Победа» 1957 руб. якобы в виде отчисления 10 процентов от заработков колхозников, о чем колхозы ничего не знали. Решив похитить эти деньги, они договорились с председателем колхоза имени Сталина — Сизовым о том, что на счет колхоза будут перечислены 3650 руб., причем Сизову было сказано, что эти деньги фактически принадлежат участку, но, поскольку Госбанк ограничивает выдачу наличных денег, сплавучасток фиктивно перечисляет деньги на счет колхоза и затем по чекам колхоза получит их из Госбанка и использует на нужды сплава. По платежному поручению, подписанному Мягковым и Беляевым, на счет колхоза имени Сталина было перечислено 3650 руб., полученных затем Беляевым по чекам колхоза из Госбанка. Из этих денег 1650 руб. Беляев отдал Мягкову, а остальные взял себе. Мягков ему денег не возвращал. Остаток незаконно начисленных колхозу «Победа» средств в сумме 1020 руб. был также путем фиктивного поручения перечислен якобы за товары для колхоза «Победа» на счет орс Юринского леспромхоза. А из Абросимовского магазина орс, где заведующей магазином работала дочь Беляева — Орлова, Беляев получил и присвоил 1020 руб. Из этих денег он Мягкову ничего не передавал.

Допрошенные вторично Сизов и Орлова подтвердили показания Мягкова и Беляева и заявили, что ранее давали ложные показания по просьбе последних.

Мягков и Беляев были преданы суду по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Однако мне не удалось собрать доказательств, подтверждающих показания Беляева в части присвоения Мягковым 1650 руб. В суде же Беляев отказался от ранее данных показаний и заявил, что Мягков вернул переданные ему деньги и, кроме того, он якобы ничего не знал о незаконном перечислении денег колхозу имени Сталина и орсу Юринского леспромхоза, так как оставлял ему, Беляеву, подписанные чистые бланки платежных поручений. Исходя из этих показаний Беляева, суд переквалифицировал действия Мягкова на ст. 109 УК РСФСР.

Преступники были осуждены народным судом к длительным срокам лишения свободы.

Председатели колхозов Потанин и Сизов не были привлечены к уголовной ответственности ввиду того, что предварительным следствием было установлено отсутствие корысти в их действиях и доказано, что преступники воспользовались их недостаточным опытом в финансовых вопросах.

Примечание редакции. Недостатком данного расследования явилось то, что следователь не сумел собрать доказательств вины Мягкова в хищении и переоценил показания Беляева, обосновав обвинение Мягкова только показаниями Беляева. В результате суд переквалифицировал обвинение Мягкова на ст. 109 УК РСФСР, когда бухгалтер Беляев изменил на суде свои показания.

*Народный следователь прокуратуры
г. Измаила
младший юрист
Н. А. ПИЛИПЕНКО*

КРИТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОКАЗАНИЯМ СВИДЕТЕЛЕЙ И СВЯЗЬ С КОЛХОЗНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ— ВАЖНЫЕ УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В начале июня 1952 года прокуратура Измаильской области командировала меня в прокуратуру Тарутинского района для расследования дела о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели в колхозе имени 8 Марта.

Прибыв в районную прокуратуру и ознакомившись с материалами дела, я установил, что хотя постановление о возбуждении дела было вынесено прокурором Тарутинского района еще 6 мая, однако ни одного следственного действия по делу не проводилось.

Материалы дела состояли из актов двух ревизий, проведенных Тарутинским районным отделом сельского хозяйства, и ряда документов, подтверждающих факты нарушения Устава сельскохозяйственной артели, на которые указывалось в актах ревизии. Согласно этим актам нарушения Устава заключались в том, что председатель правления колхоза Руппа и счетовод Митропов начисляли себе завышенное количество трудодней, производили продажу колхозной продукции по ценам,

заниженным против рыночных, присваивая часть полученных денег, незаконно оплачивали сверхурочную работу шоферам, работавшим по перевозке зерна, и допустили ряд других нарушений.

Тщательно изучив имеющиеся материалы и приняв дело к своему производству, я решил для проведения расследования немедленно выехать в колхоз, который находился в 30 км от районного центра.

В колхоз я попал уже к вечеру и, придя в сельсовет, помещавшийся в одном доме с конторой правления колхоза, начал беседовать с колхозниками, приходящими в контору и сельсовет по различным вопросам. В результате этих бесед у меня создалось впечатление, что колхозники хотя и недовольны работой председателя правления колхоза Руппы, однако почему-то не говорят всего того, что им известно о его незаконных действиях. Выяснив в беседах, что председатель Васильевского сельсовета Чулак одновременно является заведующим хозяйством колхоза, а секретарь сельсовета Лещенко — женой председателя правления колхоза Руппы, я принял меры к тому, чтобы эти лица не могли знать, кого из колхозников я намерен вызывать на допросы.

Поздно вечером, когда я, сидя в одной из комнат сельсовета, намечал план действий на завтра, ко мне зашел один из колхозников и передал записку. В записке сообщалось, что завхоз Чулак пилит деревья для нужд колхоза в колхозной лесопосадке, а в бухгалтерию представляет сфабрикованные им фиктивные закупочные акты на приобретение этих лесоматериалов у колхозников.

Решив начать завтра следствие с проверки фактов, указанных в записке, я ввиду позднего времени окончил работу и собрался уже уходить, как кто-то постучал в дверь. Выйдя в коридор сельсовета, я увидел колхозника, который предупредил меня, что Руппа ходит по колхозным дворам, угрожает колхозникам и требует, чтобы они ничего не говорили следователю.

Мне стало ясно, что работать придется в весьма сложной обстановке, требующей максимальной оперативности в проведении следственных действий и настойчивости в достижении поставленных целей.

На другой день я вызвал бухгалтера-ревизора районного отдела сельского хозяйства, а сам в ожидании его приезда занялся протоколами общих собраний членов

колхоза. Ознакомление показало, что на собраниях почти никто из рядовых колхозников не выступал и деятельность правления не критиковалась.

Приехавший ревизор проверил кассу колхоза и движение подотчетных сумм, полученных Чулаком. Оказалось, что у него в кассе недостает свыше 2300 руб. Однако Чулак заявил, что эти деньги он истратил на нужды колхоза, но еще не оформил их расходование документами. В подтверждение этого он предъявил несколько актов на покупку деревьев у колхозников и заявил, что документы на остальную сумму недостачи он представит завтра. Подлинность актов, предъявленных Чулаком, вызвала у меня сомнение, так как, хотя они имели разные даты составления, все были написаны одним и тем же почерком, на одинаковой бумаге и одинаковым карандашом. Создавалось впечатление, что их написали одновременно. Для проверки актов я допросил лиц, фигурировавших в них в качестве продавцов деревьев, и свидетелей купли-продажи, чьи подписи имелись на актах. Все они подтвердили правильность актов и получение по ним денег за проданные Чулаку деревья. Продавцы пояснили, что деревья, проданные Чулаку, они срубили на своих приусадебных участках. Я, предупрежденный о том, что Чулак фактически деревьев у колхозников не покупал, предложил последним пойти на их приусадебные участки и показать пни, оставшиеся после рубки деревьев. Изобличенные в даче ложных показаний, колхозники вынуждены были признать, что деревьев они Чулаку не продавали и денег от него не получали, а акты подписали по требованию Руппы и Чулака, которые накануне ночью приходили к ним за этим. Ложные показания следствию они дали также по требованию Руппы и Чулака.

Между тем при осмотре колхозной лесопосадки я обнаружил большое количество пней от недавно срубленных деревьев. Чулак, видя, что он полностью изобличен вескими доказательствами его вины, признался в совершении растраты колхозных денег и попытке скрыть эту растрату путем составления фиктивных документов, а также заявил, что деньги в сумме 2371 руб. он израсходовал на систематические пьянки с председателем правления колхоза Руппой. Показания Чулака о пьянках подтвердил ряд колхозников. Чулак был арестован.

Установив факты составления фиктивных документов, я решил тщательно проверить имеющиеся в бухгалтерии колхоза документы на выплату наличных денег. В частности, мое внимание привлекли две ведомости на выдачу зарплаты в сумме 448 руб. за сверхурочную работу шоферам артели «Ударник» Лунге и Токареву, командированным в колхоз для вывозки зерна. В акте ревизии указывалось, что выплата является незаконной, так как зарплату шоферы получали по месту постоянной работы.

Допрошенный по этому поводу Лунге утверждал, что никаких денег он и Токарев в колхозе не получали, а в ведомостях они расписались по требованию председателя правления колхоза Руппы и счетовода Митропова, которые объяснили им, что эти ведомости составлены для оформления бесплатного питания, получаемого шоферами в период работы в колхозе.

Кроме того, мною было установлено, что Руппа и Митропов, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно начислили себе дополнительную оплату в размере 1620 руб. и 780 трудодней за получение высокого урожая хлопка. Таким путем Руппа и Митропов незаконно получили в колхозе денег и продуктов по трудодням на общую сумму 7612 руб. Наряду с этим они не начислили колхозникам, работавшим в хлопководческих бригадах, полагающихся им дополнительно 959 трудодней и не выплатили им денежной надбавки в сумме 14 580 руб.

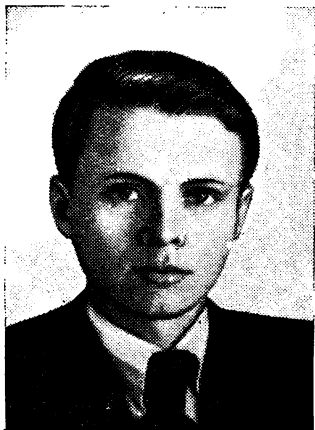
В процессе следствия у меня установился контакт с широкой колхозной общественностью. За время нахождения в колхозе я неоднократно беседовал с колхозниками, разъясняя им мероприятия партии и правительства, направленные на укрепление колхозного строя и повышение благосостояния колхозного крестьянства. В результате колхозники сами стали сообщать мне о нарушениях Устава, допущенных руководством колхоза. В частности, выяснилось, что наряду с присвоением колхозных средств Руппа систематически разбазаривал колхозную продукцию (сметану, масло, муку, поросят), продавая все это по заниженным ценам лицам, не имеющим никакого отношения к колхозу. Так, за период с февраля 1951 года по март 1952 года по указанию Руппы было продано колхозной продукции на 2741 руб. при средней рыночной стоимости продукции в 10 778 руб.

Разбазаривание колхозных средств производилось и путем незаконного премирования отдельных колхозников промтоварами и поросятами.

Получив санкцию прокурора области на арест и на привлечение Руппы к уголовной ответственности, я предъявил Руппе, Митропову и Чулаку обвинение и через 19 дней после принятия дела к своему производству закончил расследование. В процессе следствия в целях обеспечения гражданского иска я наложил арест на имущество преступников. Областной суд, рассматривавший это дело, приговорил всех обвиняемых к длительным срокам лишения свободы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Верховный суд Украинской ССР оставил приговор суда в силе.

Опыт расследования этого дела показывает, какое большое значение для успешного выявления и установления фактов нарушения Устава сельскохозяйственной артели имеет связь следователя с широкой колхозной общественностью, критическое отношение к показаниям свидетелей и реагирование на сигналы, а также тщательное изучение бухгалтерских документов и оперативное проведение всех следственных действий.

Расследуя преступления данной категории, следователь не должен ограничиваться рамками только следственной работы. В необходимых случаях он должен проводить соответствующую разъяснительную работу среди колхозников, которые могут оказать ему большую помощь в разоблачении преступной деятельности обвиняемых в полном объеме. Кроме того, такая работа следователя имеет большое воспитательное значение.

*Помощник прокурора
Кременецкого района
Тернопольской области УССР
П. В. ПРОХОРОВ*

ЗНАЧЕНИЕ ИНИЦИАТИВНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА БУХГАЛТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Я принял к своему производству по указанию областного прокурора возвращенное облсудом к доследованию уголовное дело по обвинению бывших работников колхоза имени Жданова, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 97 УК УССР (ст. 109 УК РСФСР) за злоупотребление служебным положением.

Материалы дела свидетельствовали об отсутствии надлежащего учета в колхозе и о наличии в бухгалтерии колхоза неправильно оформленных и сомнительных документов, которые, как выяснилось в дальнейшем, были фиктивными.

Имея такие данные, я поставил себе задачу искать не только злоупотребления, часть которых уже была установлена, но и скрытые за этим, как мне казалось, крупные хищения при участии большого количества лиц.

Я детально ознакомился с имевшимися в деле материалами, с состоянием учета в бухгалтерии колхоза, с документацией, с характеристикой каждого из обвиняемых.

Выяснилось, что в колхозе не только отсутствовал учет, но и не проводилось ревизий ни ревизионной комиссией

колхоза, ни районным сельскохозяйственным отделом, чем воспользовалась группа преступников.

Эту шайку возглавил кассир колхоза Черный, по происхождению кулак. При панской Польше Черный был волостным писарем, а во время немецкой оккупации он подвизался в качестве поверенного по торговым делам. В 1950 году он переменял местожительство, устроившись в колхозе имени Жданова кассиром, стал ведать в нем всеми торговыми и финансовыми операциями и подчинил своему влиянию руководство колхоза. Остальные участники преступной группы также являлись лицами с темным прошлым: председатель ревизионной комиссии Плетюк и член ревизионной комиссии Ассуиров — кулаки, в прошлом белогвардейцы; некоторые из обвиняемых — горькие пьяницы, морально разложившиеся лица.

Черный распоряжался колхозными деньгами, как собственными, да и хранил их не в кассе, а в своем кармане.

В колхозе грубейшим образом нарушался Устав сельскохозяйственной артели, финансовая дисциплина.

Столкнувшись с такими фактами, я проанализировал каждый денежный документ, законность каждой денежной операции и установил целый ряд злоупотреблений, а впоследствии и хищений.

На отдельных фактах хочу остановиться подробнее.

Так, мне стало известно, что в колхозе имени Жданова имеются большие убытки, а некоторые должностные лица колхоза, не располагая свободными денежными средствами, начали заниматься скупкой и перепродажей фруктов колхозников, а также лиц, не имеющих никакого отношения к колхозу.

В целях финансирования этих операций правление колхоза потребовало от колхозников предоставить ему «займ» якобы на расходы по отправке фруктов. Деньги, вырученные после реализации фруктов, впоследствии были присвоены и разбазарены преступной шайкой и списаны в расход на основании фиктивных документов. Когда я выявил такие документы, Черный заявил, что никаких денежных сумм он присваивать не мог, так как колхоз не имел денег на текущем счету в банке, и попросил меня осведомиться по этому вопросу в банке, если я ему не верю.

Про факт займа денег у колхозников он умолчал. Допрошенные мною колхозники, давшие колхозу деньги

взаймы, тоже об этом факте не вспоминали, поскольку деньги им были возвращены, как впоследствии выяснилось, уже после поступления выручки за проданные фрукты.

Опасаясь, что для сокрытия совершенных преступлений Черный может уничтожить кассовую книгу колхоза, я немедленно изъял и приобщил ее к делу.

В дальнейшем эта книга служила мне исходным документом при выявлении всех хищений и злоупотреблений, совершаемых в колхозе, ибо в ней фиксировались все денежные операции и делались ссылки на документы, на основании которых произведена та или иная проводка. Через банк, в нарушение финансовой дисциплины, вообще никаких операций не проводилось, и деньги умышленно в банк не сдавались, а все денежные операции совершались только через кассу колхоза.

Скрывая от меня список лиц, давших колхозу деньги взаймы, Черный, будучи изблеченным в том, что колхоз оперировал посторонними деньгами, объяснил, что часть суммы займа колхозу дал якобы он сам, поэтому он и израсходовал вырученные от продажи фруктов деньги по своему усмотрению. Однако в делах колхоза я вскоре обнаружил и изъял ведомость возврата денег лицам, предоставившим взаймы деньги колхозу, из которой было видно, что Черный вообще не давал денег колхозу, а свои фрукты отправил за счет других колхозников.

Будучи убежденным в том, что это не является случайностью, я проверил этот факт и установил, что от колхозников фрукты были приняты лишь потому, что они бесплатно работали на строительстве дома Черного. Расходы по отправке этих фруктов нес полностью колхоз. За что или с какой целью принимались фрукты от других лиц, не колхозников, я разобрался не сразу.

Комбинации со скупкой и перепродажей фруктов колхозников Черный использовал не только для хищения денег, вырученных от этой перепродажи, но и для спекуляции фруктами, получаемыми на стороне. Просматривая ведомости на выплату денег за сданные фрукты колхозникам, я обнаружил, что Черный лично сдал около 8 центнеров фруктов и получил за них свыше 10 тыс. руб. Допрошенные же мною свидетели заявили, что Черный имеет очень небольшой сад и такого количества фруктов собрать не мог.

Я попытался путем назначения агрономо-садоводческой экспертизы установить урожайность сада Черного. Эксперту я поставил два вопроса: 1) Какие фруктовые деревья и каких сортов имелись в саду Черного? 2) Какой урожай фруктов можно было собрать с каждого дерева в этом саду?

Однако эксперт заключение по вопросу об урожайности этого сада дать не смог, так как экспертиза проводилась спустя два года, да еще в зимний период. Но со всей точностью ответил на вопрос о сортах деревьев в саду Черного, а это в дальнейшем оказалось очень важным для дела.

Имея заключение экспертизы с указанием сортов фруктовых деревьев в саду Черного, я сопоставил эти сорта с сортами, сданными Черным согласно спискам-спецификатам. Оказалось, что сорта яблок «Цыганка» в своем саду Черный не имел, между тем яблок этого сорта он отправил девять ящиков. Стало быть, он то ли похитил их из колхозного сада, то ли купил в спекулятивных целях для перепродажи.

Для проверки этих версий я допросил двух колхозников, принимавших яблоки от Черного и вписавших их в списки-спецификаты. Эти колхозники утверждали, что яблоки сорта «Цыганка» привозил Черный с одним гражданином из села Старый Тараж, фамилии которого они не знали, и высказали предположение, что именно этот гражданин и продал фрукты Черному.

Я выехал в село Старый Тараж и установил, что гражданином, о котором мне говорили колхозники, был некий Желтовский. Приемщики опознали его. Будучи допрошенным, в качестве свидетеля, Желтовский подтвердил, что он действительно совместно с гражданином Тывнюк из этого же села продал Черному девять ящиков яблок сорта «Цыганка» по 3 руб. за кг.

Из ведомостей же на выплату денег Черному за фрукты я установил, что эти яблоки Черный отправил вместе с колхозными в г. Куйбышев и перепродал по 8 руб. за кг, на чем получил 1600 руб. прибыли. Таким образом, заключение агрономо-садоводческой экспертизы оказало мне реальную помощь в разоблачении Черного как спекулянта. Однако этим я не ограничился. Мне было известно, что яблоки, служившие предметом спекуляции, отправлялись на дальние расстояния, а потому,

очевидно, должны были иметь специальную упаковку. Действительно, отправляемые колхозом яблоки упаковывались в ящики, которые изготовлялись из дощатки. Путем осмотра бухгалтерских документов я обнаружил десять актов на закупку такой дощатки на общую сумму 5480 руб. Акты были неправильно оформлены. В них лишь указывалось, что дощатка куплена на рынке, а у кого, сведений не было.

Уже это одно у меня вызвало подозрение, так как по существующим правилам в подобных актах обязательно должны указываться имя, отчество и фамилия продавца, его адрес и номер паспорта. Кроме того, мне лично было известно, что дощатка частными лицами, да еще на рынке, не продается. Затребованная мною справка из рыночного комитета подтвердила это.

Я изъясал акты, приобрел их к делу, а затем, тщательно проанализировав их, установил, что один из них, а именно акт № 4 от января месяца, является безусловно подложным и бестоварным, ибо последняя партия фруктов была отправлена еще в декабре прошлого года и, стало быть, никакой дощатки колхозу в январе не было нужно.

Допрошенные по актам закупки дощатки Черный и счетовод Олейник, составлявшие эти акты, утверждали, что дощатка по ним была закуплена в том числе и по январскому акту № 4. Эта дощатка якобы была использована для отправки сухофруктов, закупленных у колхозников уже в марте месяце. Для опровержения этих объяснений обвиняемых я пока не имел никаких данных.

Однако, будучи убежденным в фиктивности актов на дощатку и предполагая, что эту дощатку колхоз закупил в какой-либо ближайшей деревообрабатывающей организации, я послал запросы в эти организации. От одной из них — Почаевского промкомбината — я получил ответ, что промкомбинат для колхоза имени Жданова произвел распиловку 25 куб. м леса-кругляка на ящичную тару, из которого было получено 12 куб. м дощатки.

Имея такие данные, я установил лиц, которые доставляли лесоматериалы в промкомбинат, забирали дощатку и изготовляли ящики. Оказалось, что этот лесоматериал был срезан в лесу колхоза. Из дощатки, полученной из данного лесоматериала, было изготовлено около 800 ящиков. Тем не менее дощатка не была отражена по бухгалтерии колхоза, очевидно, не без умысла.

Видя безвыходность положения, Черный и Олейник вынуждены были признать факт изготовления дощатки в Почаевском промкомбинате из колхозного лесоматериала. Однако они выдвинули новую версию: якобы дощатки, полученной из промкомбината, оказалось недостаточно для отправки всех фруктов, а потому они были вынуждены закупать тару дополнительно частным путем.

С целью проверки этой версии я решил выяснить, сколько бы для этого понадобилось дощатки.

Всего, как я установил, согласно документальным данным было изготовлено 1220 ящиков. Для определения количества дощатки, необходимой для изготовления 1220 ящиков, я назначил техническую экспертизу. Эксперт изготовил несколько ящиков из имевшейся в колхозе дощатки и при этом путем подсчета определил, что из 1 куб. м дощатки можно изготовить 60—65 ящиков. Следовательно, на изготовление 1220 ящиков необходимо 21,5 куб. м дощатки. За вычетом 12 куб. м дощатки, полученной колхозом из Почаевского промкомбината, колхозу не доставало еще 9,5 куб. м дощатки. Таким образом, объяснения Черного по поводу закупки дощатки оказались вполне правдоподобными, тем более, что к тому времени я на свои запросы получил ответ из остальных ближайших деревообрабатывающих организаций, что никакой дощатки они колхозу имени Жданова никогда не изготовляли и готовой не продавали. Следовательно, колхоз где-то докупил 9,5 куб. м дощатки.

Однако, не доверяя объяснениям обвиняемых, будто дощатка закуплена у частных лиц, я решил продолжать проверку. Я и на этот раз обратился к кассовой книге — узлу всех денежных операций колхоза. Просматривая записи в этой книге, я обнаружил несколько записей, в которых значилось, что деньги выплачены за распиловку леса на дощатку, но кому они выплачены и на основании каких документов — в проводках указано не было.

Кассир Черный по этому вопросу объяснил, что никакой распиловки леса на дощатку для колхоза нигде не производилось и что в кассовой книге якобы по ошибке записано, что деньги выплачены за распиловку леса. На самом же деле якобы эти суммы были выплачены на какие-то иные расходы, но на какие именно — он не помнит, ибо с того времени прошло два года.

При тщательном осмотре бухгалтерских документов

(а это заняло очень много времени и требовало большого терпения, поскольку документы не были подшиты, а лежали в ящике навалом), я обнаружил, между тем, две квитанции на выплату колхозом денег за распиловку лесоматериалов на дощатку артели имени Третьей пятилетки (г. Кременец). В кассовой книге колхоза были отражены именно суммы, значащиеся в этих двух квитанциях.

На мой запрос, посланный еще до обнаружения квитанций, бухгалтерия артели имени Третьей пятилетки в свое время ответила, что никаких расчетов за дощатку артель с колхозом имени Жданова не имела. Для устранения этого противоречия я выехал в г. Кременец и лично произвел осмотр бухгалтерских документов в этой артели. При этом я установил, что артель в действительности производила колхозу имени Жданова распиловку колхозного лесоматериала на дощатку и что колхозом было получено от нее 10 куб. м «чистой» дощатки.

Получателями значились Кондратьев и Черный.

Я послал запросы в окрестные лесничества и из Бережецкого лесничества получил ответ, что это лесничество произвело отпуск леса и жердей колхозу имени Жданова на строительство животноводческих ферм по наряду Почаевского районного сельскохозяйственного отдела. Расчеты за это были произведены через банк. Изъяв в Бережецком лесничестве документацию по отпуску леса колхозу имени Жданова, я установил лиц, которые получали этот лес, отвозили его на лесозавод артели имени Третьей пятилетки и получали оттуда дощатку. Допросом этих лиц было подтверждено получение для колхоза имени Жданова 10 куб. м дощатки, не заприходованных бухгалтерией колхоза. Этим была подтверждена фиктивность всех десяти актов на закупку дощатки на общую сумму 5480 руб. Справка об отсутствии расчетов с колхозом имени Жданова, высланная мне бухгалтерией колхоза имени Третьей пятилетки, оказалась фиктивной. Если бы я вслепую поверил справке, хищения 5480 руб. по этим актам я не установил бы.

Материалы о лицах, выдавших справку, мною были выделены в особое производство.

Кроме того, следствием было установлено, что в нарушении Устава сельскохозяйственной артели и финансовой дисциплины колхоз занялся за счет сумм капиталовложений скупкой и перепродажей сухих фруктов.

Закупка была поручена колхознику Кондратьеву. Тщательная проверка каждого сомнительного документа и здесь помогла разоблачить преступников. Ведомость на выплату сумм за поставку колхозу сухих фруктов, составленная Кондратьевым, показалась мне подозрительной. В ней имелись очевидные исправления некоторых цифр в суммах против фамилий отдельных колхозников. Допрос этих лиц подтвердил, что в ведомость внесены исправления в сторону увеличения количества закупленных сухофруктов и выплаченных сумм.

Допрошенный Кондратьев заявил, что никаких исправлений он не делал, а могли сделать это лишь в бухгалтерии. Счетовод Олейник, в свою очередь, показал, что Кондратьев ведомость сдал исправленной.

В данном случае мне было ясно, что криминалистическая экспертиза не будет в состоянии установить, кто именно произвел эти исправления, так как материал для исследования был слишком ограничен: поправки заключались в дорисовке отдельных цифр. Так, колхозница Зеленевиц сдала 10 кг сухофруктов и получила за это 50 руб., а в ведомости цифры были исправлены на 76 кг и 456 руб. путем незначительной дорисовки: «1» было исправлено на «7», «0» на «6» и добавлена цифра «4». Аналогичные исправления были и против фамилий других лиц (фото №№ 1, 2 и 3).

Разумеется, на основании таких материалов ни один эксперт не взялся бы установить автора исправлений.

Не имея возможности обратиться к помощи криминалистической экспертизы для выяснения вопроса, кем был совершен подлог в ведомости, я решил установить виновника подлога путем анализа подозрительной ведомости. Для этого я в первую очередь выяснил, у кого находилась ведомость и кто выплачивал деньги сдатчикам сухофруктов. Было установлено, что авансы для этой цели были выданы в подотчет колхознику Кондратьеву, который сам расплачивался с колхозниками. Деньги он брал в кассе колхоза в несколько приемов под частные расписки. Ведомость хранилась также у Кондратьева до конца закупки. По окончании закупки Кондратьев сдал ведомость в бухгалтерию и забрал обратно все свои расписки о получении авансов. Эти расписки он уничтожил и в бухгалтерии нигде не отражалось, сколько Кондратьев фактически получил денег под частные расписки.

На выросту 20 с. 14. Зрелый. Цвет: желтый.

REC- 9241

Фото № 1. Ведомость на выдачу денег за сухофрукты. Под порядковым номером 9 значится выдача под расписку гр-ке Зеленевиц 456 руб. за 76 кг сухофруктов.

Фото № 2. При рассмотрении следователем под лупой цифры «76» резко бросилось в глаза, что цифра «7» переделана из цифры «1», а цифра «6» — из цифры «0».

Фото № 3. При рассмотрении следователем под лупой цифр «456» резко бросилось в глаза, что первая цифра «4» написана по черте, отделяющей одну графу от другой, что могло свидетельствовать о ее принятии после того, как в графу были вписаны две последующие цифры; цифра «6» имела следы переделки из цифры «0».

Далее я выяснил, что Кондратьев, закупая сухофрукты и взвешивая их в присутствии кладовщика Сиротенко, сдавал ему эти фрукты тут же на хранение. Количество принятых сухофруктов Сиротенко записывал себе в тетрадь, а Кондратьев — в ведомость, на основании

которой выплачивал деньги сдатчикам сухофруктов. После окончания заготовки сухофруктов Кондратьев и Сиротенко произвели взаимопроверку записей. Записи у обоих сошлись, поэтому Сиротенко и оприходовал общее количество сухофруктов. Кондратьев же после сверки ушел с ведомостью к себе и через день сдал ее в бухгалтерию.

Количество сухофруктов, заприходованных Сиротенко, соответствовало количеству сухофруктов, фактически закупленных Кондратьевым у колхозников. Кладовщик Сиротенко ни одной минуты ведомости у себя не имел, таким образом, его участие в подлоге исключалось.

Далее надо было выяснить, когда, кем и при каких обстоятельствах было произведено подытоживание ведомости. Следует при этом отметить, что в записи итога по ведомости никаких следов исправления не было заметно. Я установил, что ведомость подытоживал в бухгалтерии счетовод Олейник в присутствии Кондратьева и ряда членов правления и ревизионной комиссии. Запись итога прописью и цифрами в ведомости делал Олейник. После этого ведомость хранилась в бухгалтерии. Я арифметически проверил записанный в ведомости итог, и он сошелся с суммой исправленных цифр. Из этого можно было сделать вывод, что в момент сдачи Кондратьевым ведомости в бухгалтерию цифры уже были исправлены. Такое исправление мог сделать только Кондратьев. Таким образом, Кондратьев был изобличен в подлоге. Анализ ведомости и сопоставление ее с записями в книге кладовщика помогли уличить Кондратьева в подлоге на 1003 руб.

Олейник, списав в расход сумму, указанную в исправленной ведомости, не сверил обозначенного в ней количества сухофруктов с записями по книге кладовщика и вообще не оприходовал закупленных сухофруктов, в результате чего подлог не был своевременно раскрыт.

Назначенная по этому вопросу бухгалтерская экспертиза подтвердила мои выводы.

Описанные мною эпизоды полностью подтвердились во время судебного следствия. Все привлеченные в качестве обвиняемых лица были осуждены за хищение колхозного имущества по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. к длительным срокам лишения свободы.

*Старший следователь прокуратуры
Сталинградской области
юрист 3-го класса
Н. И. ТРИФОНОВА*

ГЛУБОКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАЖДОГО ФАКТА «НЕДОСТАЧИ» И «ХАЛАТНОСТИ» ВСКРЫЛО КРУПНЫЕ ХИЩЕНИЯ

Дело, о расследовании которого я хочу рассказать в этой статье, представляет интерес с той точки зрения, что, возникшее на первый взгляд по незначительным фактам нарушения Устава сельскохозяйственной артели, оно закончилось в результате расследования разоблачением шайки расхитителей колхозного добра.

В прокуратуру Кагановичского района Сталинградской области от районного отдела сельского хозяйства поступил материал о незаконных действиях председателя колхоза имени Жданова Муратова, выразившихся в продаже колхозного скота на рынке при невыполнении колхозом плана развития животноводства.

Прокурор района, проведя проверку этого материала, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного преследования в отношении Муратова за отсутствием в его действиях состава преступления. Однако прокуратура области отменила это постановление, предложив провести более глубокую проверку. Выполняя указание

прокуратуры области, прокурор района произвел повторную проверку материала, в результате чего возбудил уголовное дело и поручил расследование народному следователю.

Закончив следствие по делу, районная прокуратура привлекла к уголовной ответственности председателя колхоза Муратова по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР за недостачу в колхозе 19 баранов, за незаконную продажу 29 овец и обмен продуктивных коров на бычков, а также за безответственное отношение к выполнению плана развития животноводства. На этом обвинения, предъявленные Муратову, исчерпывались.

Учитывая, что расследование произведено поверхностно, и обвинения, предъявленные Муратову, основаны только на формальном установлении указанных фактов, прокурор области обвинительное заключение не утвердил и поручил мне принять дело к своему производству для дополнительного расследования.

Изучив дело и составив подробный план расследования, я выехала в Кагановичский район.

Прежде всего мною было решено организовать глубокую документальную ревизию финансово-хозяйственной деятельности колхоза за период работы Муратова. К проведению ревизии были привлечены не только бухгалтеры, но и ряд специалистов по сельскому хозяйству. Не ожидая результатов работы ревизоров, я занималась расследованием дела, выясняя обстоятельства, связанные с недостачей и разбазариванием скота.

Ревизия установила, что за зимний период 1950—1951 гг. в колхозе пало 338 голов скота, в том числе 58 голов крупного рогатого скота, 12 лошадей, 50 свиней и 218 овец и коз.

Муратов пояснил, что падеж скота произошел в связи с тем, что после укрупнения колхоза поголовье скота увеличилось, а кормов в достаточном количестве не было, так как два других колхоза, присоединившиеся к колхозу имени Жданова, заготовили мало кормов ввиду засухи.

Это обстоятельство подтвердили бывшие председатели этих колхозов. Тогда, для установления причин падежа скота я назначила ветеринарную и зоотехническую экспертизы, поставив на разрешение экспертов следующие вопросы:

1) Какое количество кормов было необходимо для зимовки скота, имевшегося в колхозе имени Жданова в стойловый период 1950—1951 гг.?

2) Могло ли хватить имевшихся в колхозе кормов для зимовки скота?

3) Каковы причины падежа скота?

4) Какие мероприятия нужно было бы провести для сохранения поголовья скота?

В качестве экспертов я пригласила главного ветеринарного врача и зоотехника областного отдела сельского хозяйства.

Эксперты, основываясь на учетных данных о количестве скота и кормов, дали заключение, что колхоз располагал достаточным количеством кормов, необходимых для зимовки всего имевшегося в колхозе поголовья скота.

Причиной падежа скота явилось отсутствие в колхозе надлежащего ухода за ним.

Расследование показало, что основной причиной падежа скота явилась бесхозяйственность Муратова. В колхозе не была организована своевременная подвозка кормов; помещения, где содержался скот, длительное время не ремонтировались; кормушки в стойлах отсутствовали; подготовка кормов к скармливанию не производилась; скот не был закреплен за заведующими фермами и перегонялся в зимнее время, без всякой к тому необходимости, с одной фермы на другую.

Кроме этого, допросами ряда лиц я установила, что Муратов с целью сокрытия падежа скота дал указание работникам овцефермы не показывать в отчетах количество павших овец, рассчитывая восстановить это количество путем неоприходования рождающегося молодняка.

Проверив статистические отчеты колхоза, данные им районному инспектору ЦСУ СССР, и сличив их с первичными актами о падеже скота, я установила, что сведения о падеже скота давались несвоевременно. Скот, павший еще осенью, указывался в отчетах как павший в конце зимы, т. е. в период, когда корма в колхозе были на исходе. Таким путем Муратов пытался показать, что падеж скота произошел ввиду недостатков кормов.

В процессе следствия вскрылся еще ряд преступлений, совершенных Муратовым и другими лицами.

Расследуя причины недостачи 19 баранов, установленной ревизией, я выяснила, что Муратов незаконно выдал

из колхозного стада чабану Ишамбекову 15 баранов, а затем оформил акт на покупку колхозом этих баранов у Ишамбекова за 3013 руб.

Заведующий фермой Чудин на допросе рассказал, что он по указанию Муратова расписался на акте в приеме 15 баранов, хотя фактически ничего не получал. Бухгалтерия колхоза, выплатив по акту деньги, оприходовала якобы купленных 15 баранов, в результате чего в колхозе и оказалась недостача.

Оставалось установить причину недостачи еще четырех баранов.

Расследуя факты незаконной продажи скота, я при допросах колхозников Болдырева и Пискова, которые возили скот на рынок в г. Сталинград для продажи, выяснила, что четырех баранов они передали по указанию Муратова работникам какого-то завода, находящегося в г. Сталинграде.

Муратов категорически отрицал этот факт. Незаконную продажу скота он объяснил тем, что общее собрание членов колхоза вынесло решение продать скот, а на вырученные деньги купить необходимый колхозу шифер для крыш.

Установив, что баранов в г. Сталинград возили на принадлежащей Кагановичской районной лесозащитной станции автомашине, управляемой шофером Коровиным, я вызвала его на допрос. Коровин показал, что по просьбе Болдырева и Пискова, которые ездили на управляемой им автомашине в г. Сталинград продавать скот, он отвез четырех баранов на квартиры к каким-то трем «начальникам». Кроме этого, Коровин рассказал, что одного из этих «начальников», получившего двух баранов, он привез на квартиру, на которой остановились он, Болдырев и Писков и где в честь приезда этого «начальника» была устроена выпивка на деньги, полученные от продажи колхозного скота. После пьянки он, Коровин, на машине отвез «начальника» домой.

Коровин заявил, что фамилий лиц, получивших баранов, он не знает, но указать квартиры, куда отвозились бараны, он сможет. Впоследствии это им и было сделано в присутствии понятых.

При допросе Коровина выяснилось, что активное участие в передаче баранов этим «начальникам» и в организации выпивки принимал директор лесозащитной стан-

ции Гридин, который приехал в г. Сталинград вместе с Болдыревым и Писковым.

Я немедленно вызвала на допрос Гридина, приняв надлежащие меры к тому, чтобы до допроса он не мог переговорить с Коровиным.

Вначале Гридин отрицал какую-либо причастность к передаче баранов и возмущался тем, что я допрашиваю его по этому вопросу. Однако после очных ставок с Коровиным, Болдыревым и Писковым Гридин рассказал, что бараны были переданы работникам завода «Стройдеталь»: заместителю директора завода Мальшакову, начальнику отдела кадров Герасименко и начальнику отдела снабжения Сухову.

На мой вопрос Гридин заявил, что ему неизвестно, для какой цели были переданы эти бараны, а Болдырев и Писков пояснили, что Муратов хотел получить шифер на заводе «Стройдеталь».

Проверяя их показания, я установила путем допроса счетовода и осмотра документов, что в бухгалтерии колхоза действительно имелся счет завода «Стройдеталь» на отпуск шифера колхозу имени Жданова, но деньги по счету перечислены не были и шифер не получен. Счетовод колхоза пояснил, что в связи с освобождением Муратова от должности председателя колхоза шифер получен не был, так как этим вопросом после ухода Муратова никто не занимался.

Таким образом, были все основания предполагать, что бараны были переданы работникам завода «Стройдеталь» с целью получения шифера, который по плану выдаче колхозу не подлежал.

Изобличенный показаниями Болдырева, Пискова, Коровина и Гридина, Муратов признал факт выдачи баранов работникам завода «Стройдеталь» Мальшакову, Герасименко и Сухову для получения шифера.

Однако совершенно неясным оставался вопрос, почему в передаче баранов был заинтересован Гридин. Я решила это выяснить. Допросом завхоза лесозащитной станции я установила, что Гридин получил для станции с завода «Стройдеталь» различные строительные материалы, оплатив их стоимостью перечислением денег через банк. При допросе Муратова выяснилось, что ему ничего не известно о получении Гридиным стройматериалов. Когда же я рассказала об этом Муратову, он возмутился

и сказал, что теперь ему понятно, почему заместитель директора завода Мальшаков, получив, согласно договоренности, баранов, потребовал с него при выписке счета на шифер привезти им еще и зерна.

На мой вопрос Муратов пояснил, что зерна он работникам завода не давал, однако поведение Муратова и его попытки перевести разговор на другую тему заставили меня насторожиться. Чувствовалось, что Муратов жалел, что проговорился о зерне.

Я решила проверить правдивость показаний Муратова.

Ревизия не установила недостачи зерна в кладовой колхоза. Кладовщик колхоза заявил, что зерна он Муратову не отпускал. Я же по путевым листам определила фамилии шоферов, которые ездили в г. Сталинград после выписки счета на шифер.

Допросив этих шоферов, я выяснила, что спустя несколько дней после даты, указанной на счете, Муратов ездил с шофером Николаевым в г. Сталинград, куда возил четыре мешка пшеницы, погруженные из кладовой колхоза. Указанную пшеницу, по показаниям Николаева, Муратов привез обратно и сгрузил ее у себя дома, где она и была мною обнаружена.

На очной ставке с Николаевым кладовщик колхоза признал факт отпуска зерна Муратову, который сказал ему, что это зерно он отвезет в г. Сталинград в качестве «подарка» работникам завода, которые за это отпустят колхозу шифер.

Будучи полностью изобличен, Муратов показал, что зерно он привез обратно, так как не сумел увидеть Мальшакова, и решил отвезти зерно в другой раз, а после освобождения его от работы он забыл это зерно вернуть в колхоз.

Теперь нужно было выяснить, каким путем Гридин и Муратов познакомились с работниками завода «Стройдеталь», так как Гридин заявил, что его познакомил с ними Муратов, а Муратов то же самое говорил про Гридина.

Я вызвала на допрос колхозника Пономарева, который очень часто ездил в г. Сталинград продавать на рынке продукцию колхоза.

По интересующему меня вопросу Пономарев рассказал, что его сын учится в г. Сталинграде и проживает

на квартире у гр-на Герасименко, работающего на заводе «Стройдеталь» в качестве начальника отдела кадров и являющегося хорошим знакомым директора Суровикинской МТС Бондарева, к которому он часто приезжал в гости.

Бондарев подтвердил, что начальник отдела кадров завода «Стройдеталь» Герасименко является его старым другом и что летом он часто приезжал на автомашине завода вместе с коммерческим директором этого завода Мальшаковым и начальником отдела снабжения Суховым ловить рыбу в водоемах колхоза имени Калинина.

Бондарев также рассказал, что однажды у него на квартире по случаю приезда Герасименко и его товарищей была устроена выпивка, на которую он пригласил директора лесозащитной станции Гридина. В результате я выяснила, что первым познакомился с Герасименко, Мальшаковым и Суховым Гридин, который затем познакомил с ними Муратова.

Выехав в колхоз имени Калинина, куда приезжали рыбачить работники завода, я путем осмотра документов установила, что колхоз получил с завода «Стройдеталь» 600 листов шифера с оплатой его стоимости через банк.

Председатель колхоза Крючков, поняв из беседы со мною, что я уже располагаю какими-то данными о деятельности «рыболовов», и видя, что мною изъяты из бухгалтерии колхоза подлинные документы на приобретение шифера, ответил на конкретно поставленный мною вопрос, что за отпуск шифера он дал Мальшакову, Герасименко и Сухову две тонны колхозных арбузов.

После этого, приехав на завод, я изъяла все нужные мне документы и приступила к допросам Мальшакова, Герасименко и Сухова.

Прежде всего я предложила им подробно рассказать, с кем и сколько раз они ездили в колхоз им. Калинина на рыбную ловлю. Не подозревая, что мне известна их преступная деятельность, эти лица подробно рассказали мне о своих поездках «на рыбалку». На мой вопрос допрашиваемые заявили, что никаких продуктов из колхоза они не получали. По их показаниям я установила четырех шоферов, в разное время ездивших с Мальшаковым, Герасименко и Суховым в колхоз имени Калинина.

Из показаний шоферов мне удалось установить, что из колхоза имени Калинина «рыболовы» вывезли шесть

тонн арбузов, три мешка зерна, 30 кур и большое количество картофеля и помидор.

Изобличенный этими доказательствами, председатель колхоза имени Калинина Крючков признался в передаче Мальшакову, Герасименко и Сухову указанных продуктов и выдал мне несколько еще не оплаченных счетов на получение стройматериалов с завода.

В результате расследования была разоблачена преступная группа, состоящая из ответственных работников завода «Стройдеталь», которые, злоупотребляя своим служебным положением, под видом реализации неликвидов отпускали с завода строительные материалы колхозам, получая за это от руководителей колхозов бесплатно продукцию колхозного производства. Кроме этого, в полном объеме была вскрыта преступная деятельность председателя колхоза имени Жданова Муратова, который своими действиями нанес колхозу материальный ущерб в размере 1200 руб., и председателя колхоза имени Калинина Крючкова, нанесшего колхозу ущерб в сумме 7000 руб.

Расследование по делу было мною проведено за двадцать дней.

Все преступники, привлеченные к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., были осуждены Сталинградским областным судом к длительным срокам лишения свободы.

В заключение я хочу обратить внимание работников следствия на то, как важно при расследовании дел о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели не ограничиваться только установлением факта этих нарушений, а тщательно исследовать их причины и все связанные с ними обстоятельства. Необходимо также расследовать все факты нарушений Устава, в том числе и те, которые на первый взгляд кажутся незначительными и не заслуживающими внимания следователя.

— — —

*Заместитель прокурора
Свердловской области
старший советник юстиции
П. И. ПОСПЕЛОВ*

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕСТУПНЫХ СВЯЗЕЙ ПОМОГЛО РАСКРЫТЬ ОРГАНИЗОВАННОЕ ХИЩЕНИЕ

В 1952 году следователь прокуратуры Свердловской области т. Симонов провел расследование крупного организованного хищения, совершенного шайкой жуликов, орудовавших в колхозе «Новый путь», в Вerezовском сельпо и в Крутореченском глубинном пункте районной конторы «Заготзерно» Гаринского района Свердловской области.

В следственные органы Гаринского района поступило заявление тракториста МТС о том, что в период уборочной кампании председатель колхоза «Новый путь» Можайков дал указание счетоводу колхоза оприходовать вместо намолоченных 108 центнеров зерна только 60 центнеров, мотивируя это тем, что при сортировке зерна будут большие отходы.

Одновременно с этим сигналом следственными органами были получены сведения, что в некоторых ларьках Вerezовского сельпо имеются в продаже различные зерновые культуры, как то: пшеница, рожь, овес, в то время как в ларьках могла продаваться только мука, а не зерно.

В связи с этим в одном из ларьков сельпо, где в качестве продавца работал некий Калегин, была произведена внезапная ревизия, в результате которой был установлен излишек товара, состоящий из 717 кг овса и 34 кг пшеницы, не оприходованных по ларьку, на общую сумму 1344 руб. Калегин объяснил членам инвентаризационной

комиссии, что 717 кг овса и 302 кг пшеницы ему завез в ларек без документального оформления заведующий Крутореченским глубинным пунктом «Заготзерно» Колончук для реализации через его ларек. Полученную пшеницу он, Калегин, частично продал, обратив деньги в погашение долга Колончука, который взял из ларька водки на 398 руб., а 100 кг пшеницы бесплатно отдал по указанию Колончука председателю ревизионной комиссии сельпо Полушину.

Эти данные послужили основанием для проведения ревизии Крутореченского глубинного пункта «Заготзерно», которым заведовал Колончук. Ревизией была установлена недостача 19001 кг различных зерновых культур. Выяснилось, что недостача на складе образовалась в течение последних трех лет, но Колончук, скрывая ее путем составления при инвентаризациях фиктивных актов-отвесов о наличии зерна на складе, подгонял количество зерна в них под книжные остатки.

Впоследствии оказалось, что эти фиктивные отвесы по просьбе Колончука заверялись председателем Крутореченского сельсовета Каргаевым, который часто получал от Колончука зерно и пьянствовал с ним. Подписи двух других членов инвентаризационной комиссии, фигурирующие в отвесах, были поддельными.

При ревизии было также установлено, что председатель колхоза «Новый путь» Можейков, занижая количество сдаваемого зерна, излишне сдал на склад 2483 кг колхозного зерна и выдал Колончуку от имени колхоза обязательство на возврат зерновой ссуды, завысив в нем количество зерна на 726 кг, создавая тем самым резерв для хищения.

Кроме того, при обыске на квартире Колончука был обнаружен ряд документов и черновых записей, изобличавших его самого и его дочь Мальвину, работающую продавцом ларька Вerezовского сельпо, в систематическом расхищении зерна со склада глубинного пункта «Заготзерно», а также указывающих на расхищение колхозного зерна председателем колхоза «Новый путь» Можейковым.

Так, например, в личных бумагах Колончука были обнаружены записи о количестве зерна, которое он отпускал и продавал со склада разным лицам по указанию Можейкова из «резерва», созданного последним на скла-

де глубинного пункта. У Колончука также была изъята накладная № 5 от 7 июля 1950 г. на отпуск Вerezовскому сельпо через продавца Пospelову 180 кг пшеницы и 50 кг овса.

На этой накладной карандашом были сделаны приписки, указывающие на дополнительное незаконное получение зерна Пospelовой (фото № 1).

Изобличенный этими записями, Колончук признался, что он по указанию Можейкова отпускал из его «резерва»

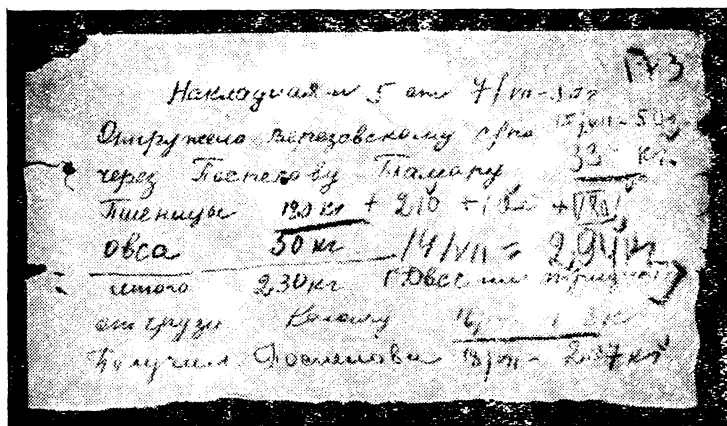

Фото № 1. Накладная с приписками, обнаруженная при обыске у Колончука.

зерно различным лицам, записывая выдачу зерна для того, чтобы потом «отчитаться» перед последним. По поводу записи на накладной № 5 от 7 июля 1950 г. он пояснил, что неоднократно отпускал похищенное им и Можейковым зерно жене последнего Пospelовой, которая реализовала его через ларек Вerezовского сельпо, где она работала продавцом. Количество незаконно отпущенного зерна он записывал карандашом на накладных для памяти.

Пospelова подтвердила показания Колончука и рассказала, что ею было продано через ларек 1692 кг зерна, полученного от него без всяких документов.

Среди документов, обнаруженных на квартире у Колончука при обыске, оказались также черновые записи

Мальвины Колончук, в которых она записывала отпуск товаров и выдачу денег из ларька своим родственникам и посторонним лицам (фото №№ 2, 3).

В частности, из этих записей было видно, что Можейков неоднократно брал у нее водку и наличные деньги.

Дочь Колончука Мальвина пояснила, что Можейков неоднократно брал у нее в ларьке водку, продукты и на-

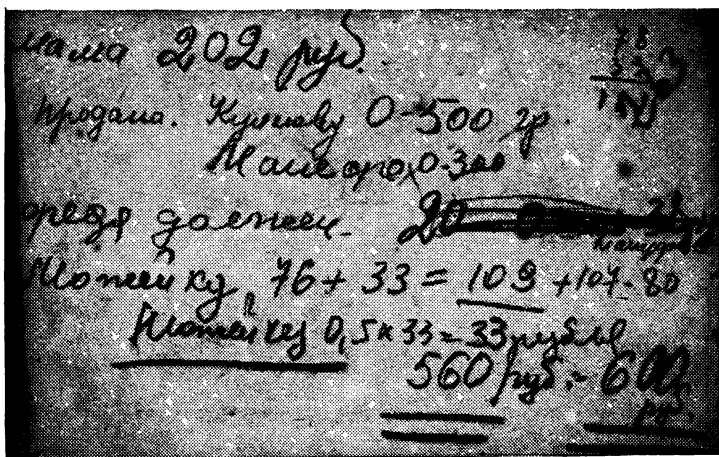

Фото № 2. Записи Мальвины Колончук, обнаруженные при обыске.

личные деньги, взамен даваемых ей различных зерновых культур, которые она реализовывала через ларек. Всего ею было таким образом продано 1260 кг зерна. Кроме того, будучи избалованной своими черновыми записями, Мальвина заявила, что она систематически брала из выручки ларька деньги для своих личных нужд, а также отпускала бесплатно продукты и давала наличные деньги своим родственникам (отцу, матери, брату), покрывая недостачу зерном, которое получала со склада глубинного пункта «Заготзерно» от своего отца — Колончука.

Так, благодаря внимательному отношению следственных органов к заявлению тракториста о единичном факте

занижения веса сдаваемого на склад зерна была разоблачена шайка преступников, систематически, на протяжении ряда лет расхищавших колхозное зерно и сбывавших его через работников потребкооперации. Документально было доказано, что преступникам удалось расхитить различного зерна на сумму свыше 50 тыс. руб.

В процессе следствия выяснилось, что хищению колхозного зерна способствовала имевшая место в колхозе «Новый путь» порочная практика, при которой председатель колхоза Можейков увозил зерно для сдачи на склад глубинного пункта «Заготзерно» без взвешивания. Это позволяло ему занижать вес фактически сданного зерна и расхищать при содействии заведующего пунктом Колончука создаваемые таким путем «излишки».

Все участники преступной группы привлечены к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и осуждены к длительным срокам лишения свободы.

В заключение статьи я хочу обратить внимание следственных работников на следующее:

1) Необходимо внимательно и своевременно реагировать на сигналы о преступлениях, поступающих в следственные органы. На примере данного дела видно, как в результате проверки такого, на первый взгляд, незначительного сигнала об единичном факте занижения веса фактически намолоченного зерна в колхозе «Новый путь» было раскрыто крупное хищение государственного и колхозного зерна.

2) При обнаружении крупной недостачи материальных ценностей, образовавшейся в короткий промежуток

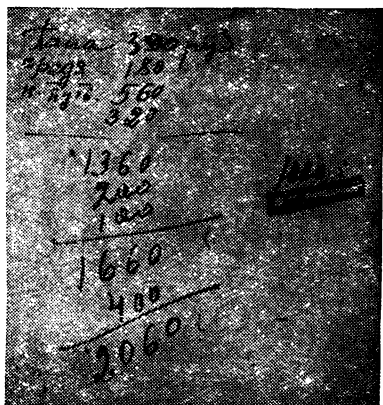

Фото № 3. Записи Мальвины Колончук, обнаруженные при обыске.

времени, нужно проверить, не относится ли возникновение этой недостачи к более раннему периоду и не скрывалась ли она заинтересованными лицами путем составления фиктивных актов о снятии остатков, как это имело место на складе Крутореченского глубинного пункта.

3) Необходимо не только установить факт недостачи, но и выяснить способы хищения, а также вскрыть каналы, по которым преступники сбывали похищенное. При расследовании данного дела важное значение имели обыски, произведенные у расхитителей и давшие в руки следствия документы, указывающие на способы хищения и реализации похищенного зерна.

Опыт расследования этого дела показывает, как расхитители для совершения и сокрытия своей преступной деятельности вовлекли в нее ряд работников потребкооперации, через которых сбывали похищенное зерно, а также отдельных должностных лиц, которые их покрывали. Этому отчасти способствовали родственные связи между расхитителями Колончуком и Можейковым и работниками Вerezовского сельпо — Колончук М., являющейся дочерью Колончука, и Пospelовой — женой Можейкова.

*Прокурор следственного отдела
Прокуратуры Таджикской ССР*

Я. С. ЛЕВИЕВ

ТЩАТЕЛЬНО ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ОБЫСК ОБЕСПЕЧИЛ РАСКРЫТИЕ КРУПНОГО ХИЩЕНИЯ В КОЛХОЗЕ

Как известно, обыск является одним из важнейших следственных действий, преследующих цель обнаружить доказательства, изобличающие обвиняемого в преступлении.

Нередко преступники при совершении хищений и разбазаривании государственного и общественного имущества фиксируют в различного рода записных книжках данные о соучастниках хищения, о количестве расхищенных ими товаров и денежных средств.

Практика показала, что надлежаще проведенная подготовка к обыску по делам о хищениях, правильно намеченный круг лиц, у которых должен быть произведен обыск, тщательное проведение обыска в квартире обвиняемых и исследование изъятых при обыске предметов или документов позволяют обнаружить серьезные доказательства, изобличающие обвиняемых и оказывающие иногда решающее влияние на весь дальнейший ход расследования. Обыск нередко позволяет следователю

полностью восстановить картину преступления, выяснить способ совершения хищения и установить виновного.

На примере конкретного дела я хочу показать, как в результате тщательно подготовленных и методически правильно проведенных обысков были обнаружены веские доказательства, которые сыграли решающую роль в раскрытии крупных хищений и в изобличении расхитителей колхозного имущества и денежных средств.

В прокуратуру Таджикской республики поступило коллективное заявление колхозников из колхоза имени Андреева Джиликульского района, в котором сообщалось о злоупотреблениях отдельных работников колхоза.

Это заявление было направлено прокурору Джиликульского района для проверки.

Кроме того, в прокуратуру поступил акт ревизии хозяйственной деятельности колхоза имени Андреева, произведенной районным сельскохозяйственным отделом. В акте указывалось, что в колхозе имеется недостача товаров и продуктов на общую сумму 21 783 руб.

После проверки фактов, изложенных в заявлении, прокуратурой Джиликульского района были привлечены к уголовной ответственности по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и. о. председателя колхоза имени Андреева Норбутаев и заведующий хозяйством этого же колхоза Тангрикулов за то, что они по взаимному между собой сговору присвоили 15 тыс. руб. колхозных средств, скрывая хищение составлением фиктивных документов.

Кроме этого, Тангрикулову было предъявлено обвинение в связи с недостачей товаров и продуктов по складу на 21 783 руб. Норбутаев и Тангрикулов виновными себя не признали.

Расследование по этому делу было произведено прокуратурой Джиликульского района поверхностно. Обвинение, предъявленное Тангрикулову и Норбутаеву, аргументировано чрезвычайно слабо; доказательств, изобличающих обвиняемых, собрано недостаточно. Ряд существенных обстоятельств по делу не был выяснен. Не были установлены причины образовавшейся недостачи по складу у Тангрикулова, а также должным образом не были исследованы эпизоды о присвоении денежных средств.

В таком виде дело поступило в прокуратуру Таджикской республики для утверждения обвинительного заключения. По поручению прокурора республики я был командирован в Джиликульский район для производства дополнительного расследования по этому делу.

Тщательно ознакомившись с материалами дела, я поставил перед собой задачу прежде всего установить причину недостачи продуктов и товаров у Тангрикулова.

Для этой цели я решил лично ознакомиться со всеми документами на выдачу продуктов и товаров со склада, так как не исключалась возможность, что часть из этих документов могла быть фиктивной.

В плане расследования мною также было предусмотрено тщательное ознакомление со всей бухгалтерской документацией колхоза, выявление сомнительных документов и проверка подлинности произведенных по ним операций путем допроса лиц, упомянутых в этих документах.

Изучение дела также показало, что при его расследовании не были проверены возможные преступные связи Тангрикулова и Норбутаева с другими работниками колхоза. В связи с этим я наметил ряд допросов для выяснения этого обстоятельства.

В беседе с прокурором Джиликульского района я установил, что обыск в квартирах обвиняемых Тангрикулова и Норбутаева фактически не был произведен. Весь «обыск» по существу заключался лишь в составлении описи имущества обвиняемых.

Вот почему в плане расследования мною были предусмотрены тщательные обыски у обвиняемых. Придавая большое значение этому следственному действию как средству обнаружения доказательств по делу, я продумал во всех деталях проведение обысков.

Допросив свидетелей, а также обвиняемого Тангрикулова о причинах недостачи на складе, я принял решение произвести обыск в квартире Тангрикулова.

До производства обыска я собрал необходимые данные о месте расположения квартиры Тангрикулова и, внезапно прибыв в колхоз имени Андреева, с участием понятых произвел там обыск.

Помещение, занимаемое Тангрикуловым, состояло из комнаты и кухни. В комнате находились деревянные столбы, служившие для крепления потолка. Между отдельными

столбами были прикреплены доски в виде полок, на которых находились различные хозяйственные принадлежности и посуда. Обыск я производил планомерно. Сначала осмотрел одну стену и находящиеся возле этой стены предметы, затем в таком же порядке я произвел осмотр и остальных стен комнаты и кухни. Все, что находилось посередине комнаты и кухни, мною также было осмотрено. Произведя обыск комнаты, я на одной из полок, находившейся почти под потолком, обнаружил небольшой деревянный ящик, обитый жестью.

В нем я обнаружил записную книжку в обложке желтого цвета, ученическую тетрадь без обложки, обложку ученической тетради и несколько листов бумаги с различными записями. Все это я счел необходимым изъять, что и отметил в протоколе обыска.

Тщательное изучение этих документов показало, что в них имеются записи Тангрикулова о выдаче денег и продуктов различным лицам.

Так, в записной книжке имелись записи о выдаче денег и продуктов председателю колхоза Норбутаеву, бухгалтеру колхоза Бобокулову и кассиру колхоза Лолаханову.

В этой же записной книжке имелась запись на узбекском языке: «Передано приемщику хлоппункта 1500 рублей 14 октября».

В ученической тетради имелись пометки Тангрикулова о выдаче продуктов со склада колхоза различным лицам.

На листах бумаги и обложке ученической тетради также были записи Тангрикулова о выдаче продуктов со склада колхоза разным лицам, в том числе Норбутаеву.

Уличенный таким образом Тангрикулов вынужден был признать, что он систематически отпускал бесплатно со склада колхоза продукты и товары Норбутаеву и другим лицам по устным и письменным указаниям Норбутаева. Количество выданных таким образом продуктов и товаров заносил в записную книжку для памяти. Подсчет выданных продуктов и товаров со склада колхоза показал, что в записях Тангрикулова отражено не все количество колхозных продуктов, недостача которых была установлена ревизией.

Это давало мне основание полагать, что у него могла быть еще другая записная книжка, в которой он делал аналогичные записи непосредственно на складе колхоза,

с указанием фамилий тех, кому он выдавал продукты и деньги. По этому поводу мною была допрошена жена Тангрикулова. Она показала, что ее муж Тангрикулов действительно имел какую-то книгу, в которой делал разные записи об отпуске продуктов и денежных средств. Однако на этом же допросе она заявила, что ей неизвестно, где находится в настоящее время эта книга. Тогда я решил произвести в квартире Тангрикулова повторный обыск. Мой расчет на то, что Тангрикулов после обыска не станет принимать мер к сокрытию записей о незаконной выдаче колхозных продуктов, если бы такие записи он вел, оказался правильным. Во время повторного обыска мною была обнаружена вторая книжка с записями Тангрикулова об отпуске им большого количества продуктов различным лицам, без оформления документами. В ней же были записаны фамилии лиц, которым Тангрикулов выдавал деньги. При изучении содержания записной книжки Тангрикулова мое внимание снова привлекла запись на узбекском языке: «За покупку хлопка 7500 рублей». Это была уже вторая запись на узбекском языке о хлопке.

Вновь допрошенный Тангрикулов подтвердил, что в этой книге он также записывал выдачу с колхозного склада продуктов разным лицам. Продукты он выдавал по указанию Норбутаева. Попутно с этим Тангрикулов заявил, что им выдавались бесплатно различные продукты со склада колхоза и деньги Норбутаеву и Лолаханову. Выдача этих продуктов и денег производилась без соответствующего оформления документов. По вопросу о записях на узбекском языке, имеющих в упомянутых книжках, о выдаче 1500 руб. и 7500 руб. за хлопок Тангрикулов пояснил, что Норбутаев совместно с бухгалтером колхоза Бобокуловым получали из Госбанка по предъявительским чекам деньги и из всей полученной суммы 1500 руб. и 7500 руб. передали неизвестному приемщику заготхлоппункта за бестоварные квитанции на сдачу якобы колхозом хлопка государству. Тангрикулов, кроме того, заявил, что по указанию Норбутаева, Бобокулова и Лолаханова в целях сокрытия хищения продуктов он составил фиктивные ведомости: одну ведомость о выдаче колхозникам 47 кг масла и 782 кг зерна и три ведомости о выдаче зерна, масла и других продуктов трактористам. Показания Тангрикулова были проверены путем допроса

лиц, указанных в ведомостях. Все они заявили, что никаких продуктов не получали и в ведомостях в их получении не расписывались.

Показания этих свидетелей были подтверждены заключением графической экспертизы. Таким образом, правдивость показаний Тангрикулова и фиктивность ведомостей были бесспорно установлены.

При производстве расследования этого дела были добыты и другие данные, свидетельствующие о том, что Норбутаев занимается хищением колхозного имущества и денежных средств. В связи с этим Норбутаев был арестован и у него незамедлительно произведен обыск. Этот обыск преследовал цель обнаружить у Норбутаева как похищенные им из колхоза ценности и продукты, так и какие-либо иные доказательства, свидетельствующие о получении им от обвиняемого Тангрикулова денежных средств.

Я надеялся и на то, что при обыске найду доказательства, которые помогут мне разрешить вопрос: кому именно, какому приемщику заготхлоппункта были переданы указанные выше деньги в сумме 7500 руб. и 1500 руб.

Мои надежды оправдались.

В результате проведенного у Норбутаева обыска был обнаружен старый портфель, висевший на стене в кухне. В этом портфеле оказалась третья книга с записями Тангрикулова с незаконном отпуске со склада колхоза продуктов разным лицам.

В процессе расследования выяснилось, что Тангрикулов незадолго до своего ареста, опасаясь, что у него во время обыска может быть обнаружена эта записная книжка, передал ее Норбутаеву.

В ней мое внимание привлекла запись следующего содержания: «Передано приемщику хлоппункта Мирзоеву А. 4300 рублей».

После того как следствие получило такое веское доказательство преступных махинаций Тангрикулова, последний вынужден был изменить свои показания и признать, что именно Мирзоеву были переданы деньги, а Норбутаев совместно с Бобокуловым по взаимному сговору с приемщиком заготхлоппункта Мирзоевым получили от последнего фиктивные квитанции о сдаче якобы этого хлопка-сырца в счет выполнения колхозом госу-

дарственного плана. Добытые в результате произведенных мною обысков черновые записи Тангрикулова позволили мне установить причину образовавшейся недостачи продуктов и товаров на складе колхоза и установить новые, ранее не известные факты преступной деятельности Норбутаева, Тангрикулова, Бобокулова и Мирзоева. В частности, были установлены факты покупки бестоварных квитанций на сдачу хлопка и присвоения денежных средств в крупных размерах.

В связи с этим мною было намечено проведение следственных действий, направленных на выяснение обстоятельств, при которых Норбутаевым и другими колхозниками были получены фиктивные квитанции о сдаче хлопка в заготхлоппункт.

Было установлено, что Тангрикулов с Норбутаевым в разное время передали приемщику заготхлоппункта Мирзоеву 15 300 руб. Выдачу каждой суммы Мирзоеву Тангрикулов отмечал в своих записных книжках. Чтобы скрыть незаконное приобретение фиктивных квитанций о сдаче хлопка и завуалировать факт выдачи Мирзоеву 15 300 руб., Тангрикулов совместно с Норбутаевым, Лолахановым и Бобокуловым на квартире последнего составили фиктивные счета:

а) об израсходовании 5513 руб. на перевозку лесоматериалов колхозу;

б) об израсходовании 6590 руб. в связи с транспортировкой разных материалов в колхоз;

в) об израсходовании 3352 руб. на покупку лесоматериалов в республиканской конторе «Сельхозснаб».

Фиктивность этих счетов подтверждалась не только показаниями Тангрикулова и свидетелей, но и заключением графической экспертизы.

Установив сумму, израсходованную преступниками на приобретение бестоварных квитанций, я поставил перед собой задачу — выяснить, на какое же количество хлопка были выданы эти квитанции Мирзоевым.

Для этой цели я ознакомился с порядком сдачи хлопка хлопкосборщиками в склад колхоза и последующей его отправки в заготхлоппункт.

Я выяснил, что хлопкосборщики ежедневно в конце дня сдавали собранный хлопок на склад колхоза, где находились заведующий складом Саатов и табельщик колхоза. Последний заносил фамилию каждого хлопко-

сдатчика и количество сданного им хлопка в табельную книгу.

Из колхоза хлопок каждый день отправлялся в заготхлоппункт. Накладные выписывались и подписывались Саатовым.

При тщательном осмотре документации по отправке хлопка мне бросилось в глаза, что в отдельных накладных подписи Саатова не соответствовали его подлинной подписи и, видимо, были кем-то подделаны. При предъявлении этих накладных Саатову последний заявил, что подписи от его имени, имеющиеся в накладных, учинены не им. Эти сомнительные документы были изъяты и направлены на графическую экспертизу. Графической экспертизой было установлено, что текст на накладных и подписи от имени Саатова были выполнены Норбутаевым, Лолохановым и Бобокуловым. По этим фиктивным накладным значилось, что колхозом в заготхлоппункте сдано 17 836 кг хлопка на сумму 98 989 руб.

Было установлено, что приемщик заготхлоппункта Мирзоев, который фактически по указанным накладным хлопок не принимал, расписался в его получении.

Вставал вопрос о необходимости проведения ревизии на хлоппункте, где Мирзоев работал приемщиком. Ревизорам было предложено сравнить количество хлопка, поступившего от всех колхозов района, и количество хлопка, отправленного заготхлоппунктом на хлопкозавод. Благодаря тесному контакту с ревизорами, я с их помощью проверил целый ряд обстоятельств, очень важных для расследования данного дела.

В результате произведенного расследования было установлено, что Мирзоев при приеме хлопка от колхозов уменьшал в приемных документах хлоппункта вес хлопка по каждой поступившей партии от 2 до 50 кг против фактически сданного колхозом.

Всего Мирзоев в приемных документах заготхлоппункта показал на 40 181 кг хлопка-сырца меньше фактически принятого им от колхоза.

Таким путем Мирзоев создавал неучтенные излишки хлопка-сырца в целях последующей выдачи бестоварных квитанций за деньги, которые им присваивались.

При инвентаризации хлопка-сырца, находящегося на ответственном хранении приемщика Мирзоева, был выявлен излишек его в количестве 10 281,7 кг.

Этим обстоятельством подтверждалось то, что приемщик Мирзоев путем заведомо неправильного указания в документах количества принятого им хлопка от колхозов создавал неучтенные излишки.

Одновременно с ревизией деятельности Мирзоева была произведена ревизия в колхозе. Ревизия преследовала цель — выяснить, какое в действительности количество хлопка-сырца было собрано колхозом имени Андреева и какое количество хлопка по документам значится сданным колхозом государству.

Кропотливая работа, проведенная в этом направлении, показала, что колхозом списано хлопка, как сданного государству, значительно больше, чем колхоз имел в действительности.

Это подтвердило ранее сделанные выводы о том, что приемные квитанции заготовхлоспункта на сданные колхозом государству 17 836 кг хлопка-сырца являются фиктивными. Приобретая за деньги бестоварные квитанции о сдаче государству хлопка, Норбутаев создавал видимость перевыполнения плана с целью получения за это процентной надбавки.

При расследовании и изучении документации бухгалтерии колхоза были установлены и другие фиктивные документы с подделками, подчистками, исправлениями, по которым Норбутаев, Тангрикулов и Лолаханов присваивали колхозные деньги. Было также установлено незаконное начисление трудодней руководству колхоза и ряд других преступлений.

В результате преступных действий этой группы, расхищавшей колхозное и государственное имущество и денежные средства, был причинен ущерб на сумму свыше 200 тыс. руб.

В обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступниками, мною было описано их имущество.

Приговором Верховного суда Таджикской ССР обвиняемые были осуждены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к длительным срокам лишения свободы.

*Старший следователь прокуратуры
Чкаловской области
младший советник юстиции
И. М. Г Л А З О В*

ПЛОХО ПРОВЕДЕННЫЙ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И УВЛЕЧЕНИЕ ОДНОЙ ВЕРСИЕЙ ЗАТРУДНИЛИ РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В селе Степановка Абдулинского района около 5 часов утра колхозники обнаружили труп агронома Степановской МТС Петра Коробова.

На лице и голове убитого имелись следы многочисленных ударов тупым предметом, лицо его было испачкано кровью, вытекавшей из носа и уха и смочившей рукав ватной куртки, на котором лежала голова убитого. Одежда трупа имела ряд повреждений, указывающих на то, что Коробов в момент нападения на него оказывал сопротивление. В частности, хлястик на его куртке был с одной стороны оторван.

Отсутствие на земле вокруг трупа следов борьбы и крови наталкивало участкового уполномоченного милиции Незнамова, прибывшего на место происшествия, на мысль, что убийство Коробова было совершено где-то в другом месте.

Один из колхозников рассказал, что накануне вечером он встретил Коробова на улице и тот в разговоре с ним сказал, что идет к своей знакомой Зинаиде Юди-

ной. Действительно, в трехстах шагах от трупa, против дома Юдиной, на лежащей оксло дороги соломе оказалась кровь. Соломинки, испачканные кровью, участковый уполномоченный изъяс. Опросом Юдиной и лиц, проживающих с нею, Незнамов установил, что Коробов к ней накануне не приходил, а что поздно вечером к ней заходили ее подруга Макарова, проживающая по соседству, и счетовод колхоза Золин и взяли у нее графин са-могона.

Придя в дом Макаровой, уполномоченный милиции и бывшие с ним колхозники обнаружили в комнате следы выпивки: на столе стояли стаканы, от которых пахло самогоном, остатки закуски, а на полу разбросаны окурки. Вначале Макарова заявила, что вечером у нее никого не было, а затем признала факт выпивки и рассказала, что накануне вечером и в первую половину но-чи у нее пьянствовали счетовод колхоза Золин, налого-вый агент сельсовета Юдин и инструктор-бухгалтер районного отдела сельского хозяйства Ямалетдинов, приехавший в село для проведения ревизии колхоза. Присутствие Коробова в их компании Макарова отрица-ла. Золин и Юдин подтвердили заявление Макаровой. Опросить Ямалетдинова не удалось, так как он рано утром уехал из села в районный центр.

Около 17 часов в село прибыл следователь прокура-туры Абдулинского района т. Морозов и работники районного отделения милиции.

Произведя поверхностный осмотр места происшеств-ия и трупa и даже не зафиксировав обнаруженные на мягкой земле огорода следы ног человека, которые вели от места обнаружения трупa в сторону оврага, следова-тель приступил к допросам жителей села.

Нужно сказать, что этот протокол осмотра места происшествия может служить примером юридической безграмотности следователя и отсутствия у него элемен-тарных познаний в области криминалистики. Следо-ватель не только не произвел изъятия различных ве-щественных доказательств, обнаруженных на месте происшествия, но даже не сумел их правильно зафикс-ировать в протоколе. Достаточно сказать, что измерение длины шага он производил «от носка левой ноги до пятки правой ноги», в то время как длина шага в дорожке следов измеряется между центрами пяток правого и

левого следа. Состояние одежды трупа и, в частности, имевшееся на ней повреждение (оторванный хлястик куртки) в протоколе зафиксировано не было. Наряду с этим протокол загроможден описанием обстоятельств, не имеющих никакого отношения к осмотру места происшествия. В протоколе было указано об изъятии крови на месте происшествия, в то время как фактически соломинки, испачканные кровью, были изъяты еще до приезда следователя участковым уполномоченным, что видно из актов, имеющихся в деле.

Никаких научно-технических средств для фиксации и изъятия следов на месте происшествия следователь не применил. Он даже не составил плана места происшествия.

Следствие пошло по линии наименьшего сопротивления. Установив из показаний одного из свидетелей, что между агрономом Коробовым и преподавателем Степановской семилетней школы Кобзевым были неприязненные отношения из-за учительницы той же школы гр-ки Г., за которой они оба ухаживали, следователь предположил, что убийство агронома мог совершить только Кобзев. Но здесь им была допущена ошибка, которую с большими трудностями мне пришлось исправлять спустя почти год. Дело в том, что следователь, полностью попав в плен выдвинутой им версии, по которой убийство Коробова совершил Кобзев, повел все расследование в этом направлении, в то же время игнорируя существенные обстоятельства, установление которых было необходимым для подтверждения этой версии.

Следователь не произвел осмотра одежды Кобзева с целью обнаружения на ней крови. В то же время необходимость производства такого осмотра была совершенно очевидна: если бы Кобзев, вступил в борьбу с Коробовым, убил его, нанеся многочисленные удары, а затем перенес труп на 300 шагов от места убийства, то на его одежду не могла не попасть кровь потерпевшего. Следователь не потрудился также задаться вопросом, для чего Кобзеву нужно было переносить труп куда бы то ни было и мог ли он один с этим справиться. Более того, даже те факты, которые на первый взгляд говорили в пользу этой версии, следователь всесторонне и критически не исследовал. Так, например, установив, что в ночь с 8 на 9 апреля Кобзев ночевал не у себя

дома, а на квартире у своего знакомого, к которому он пришел 8 апреля около 17 часов в нетрезвом виде и ушел оттуда перед рассветом, следователь не считал нужным выяснить с максимальной точностью, в какие часы Кобзев ушел от своего знакомого. Но зато он при обыске на квартире у Кобзева изъял его сапоги, которые, заметьте, никакого значения для дела не имели и не могли иметь, так как следы, обнаруженные на месте происшествия, не были ни сфотографированы, ни изъяты.

Тем не менее Кобзев был арестован.

Уже самый факт обнаружения трупа Коробова в 18 шагах от дома, где ночевал Кобзев, ставил под сомнение правильность версии, выдвинутой следователем, так как трудно было предположить, чтобы убийца, выйдя из дома своего знакомого и совершив убийство Коробова в 300 м от этого дома, стал переносить труп по улице к дому, где он провел ночь. Тот факт, что Коробов был убит около дома Юдиной, а затем перенесен на другое место, подтверждался осмотром места происшествия и заключением судебно-медицинской экспертизы, установившей, что на соломинках, обнаруженных на дороге около дома Юдиной, имеется кровь человека. Правда, группу крови экспертиза определить не смогла ввиду малого количества крови, представленной на экспертизу. В этом также была вина следователя, который не принял мер к изъятию достаточного количества крови, обнаруженной на соломе около дома Юдиной, а ограничился направлением на экспертизу только нескольких соломинок, которые были изъяты участковым уполномоченным.

Идя по ложному пути, следователь игнорировал и ряд других фактов, сыгравших впоследствии решающую роль. Так, располагая сведениями о том, что агроном Коробов неоднократно выступал на собраниях по поводу фактов хищения зерна в колхозе и что ревизия, проведенная по сигналам Коробова районным отделом сельского хозяйства, выявила в колхозе недостачу 126 центнеров семенной пшеницы, а также, что счетовод колхоза Золин и ревизор Ямалетдинов систематически пьянствовали вместе с налоговым агентом сельсовета и кладовщицей колхоза Зинаидой Юдиной на квартире у Макаровой, занимающейся самогонварением, следователь прошел мимо этих фактов, не связывая их с убийством

агронома. Он даже не допросил счетовода Золина, ограничившись получением от него объяснения, написанного на бланке протокола допроса самим Золиным и ничего не дающего для дела. Между тем все эти факты требовали от следователя самой тщательной проверки, так как они давали полное основание предположить их прямое отношение к убийству Коробова.

Если бы следователь не замыкался в круг одной версии и тщательно проанализировал все обстоятельства и материалы дела, он без особого труда пришел бы к правильному выводу о действительных мотивах этого убийства.

Между тем, не собрав по делу почти никаких объективных данных, устанавливающих виновность Кобзева, следователь предъявил ему обвинение по п. «а» ст. 136 УК РСФСР, а затем, не добыв никаких новых доказательств, закончил следствие, а районный прокурор утвердил обвинительное заключение и направил дело в суд¹.

Во время слушания дела в судебном заседании суду было подброшено анонимное письмо, в котором от имени всех жителей села сообщалось, что убийство Коробова совершено Золиным и Юдиным на почве мести за разоблачение Коробовым их преступной деятельности.

Дело было возвращено на доследование и в соответствии с указанием прокурора области передано мне для дальнейшего расследования.

Тщательно изучив и проанализировав материалы дела, я понял, что передо мною стоит сложная задача. С момента убийства прошел почти год, поэтому рассчитывать на обнаружение каких-либо вещественных доказательств было очень трудно, да и в памяти свидетелей многие факты могли уже не сохраниться.

Я решил следствие вести в трех направлениях. Во-первых, нужно было окончательно выяснить причастность или непричастность Кобзева к убийству Коробова, так как суд хотя и освободил его из-под стражи, но оправдательного приговора в отношении Кобзева не вынес. Во-вторых, наряду с этим необходимо было основное свое внимание направить на расследование фактов хищения

¹ Впоследствии в связи с этим делом районный прокурор и следователь, ответственные за следствие по делу об убийстве Коробова, были отстранены от работы в органах прокуратуры.

колхозного зерна, на установление роли счетовода Золина и ревизора Ямалетдинова в этих хищениях, а также на выяснение взаимоотношений между ними и Коробовым, разоблачившим преступную деятельность этих лиц в дни, предшествовавшие убийству. В-третьих, наконец, я не мог отбросить еще версию, согласно которой убийство Коробова могло быть совершено кем-либо иным, не попавшим в сферу предварительного и судебного следствия, проведенного по делу.

Проверяя версии, по которым убийство Коробова совершено Кобзовым или иными, неизвестными лицами, я убедился в их полной несостоятельности и, прекратив уголовное преследование в отношении Кобзева, закончил проверку этих версий и приступил к проверке следующей.

Поручив районному отделу сельского хозяйства произвести документальную ревизию финансово-хозяйственной деятельности колхоза, я приступил к подробным допросам свидетелей по делу. Мною было допрошено около 50 человек. К отдельным, наиболее ответственным допросам я тщательно готовился, замечая основные вопросы, подлежащие выяснению. Этот метод полностью себя оправдал и помог не только установить лиц, убивших Коробова, но и изобличить их в расхищении колхозного добра.

Выяснилось, что счетовод колхоза Золин занимался систематическим расхищением колхозного зерна с последующей продажей его колхозникам и посторонним лицам и присвоением денег, полученных от реализации похищенного. Так, например, Золин не сдал в кассу колхоза деньги, полученные от Мельникова и Ефимова за проданные им 14 пудов зерна, а присвоил эти деньги, уничтожив документы на отпуск зерна из кладовой.

Скрывая следы преступления, Золин умышленно запутывал учет зерна в колхозе, установив порядок, при котором часть зерна принималась кладовщиком без взвешивания и оприходования по складу. Передача зерна от одного кладовщика другому также производилась без перевешивания. Книга кладовщика в колхозе отсутствовала.

Ревизия, проведенная по моему указанию, установила, что в колхозе имеется недостача 500 центнеров различных зерновых культур и 126 центнеров семенной пшеницы. Кроме того, оказалось, что еще в 1950 году

колхоз не оприходовал 220 центнеров ржи и 665 центнеров пшеницы.

В то же время, ввиду отсутствия в бухгалтерии колхоза учета зерна и контроля за его передачей от одних лиц другим, не представлялось возможным отнести эти недостатки на конкретных материально-ответственных лиц. Более того, выяснилось, что Золин изъясил из дел бухгалтерии и уничтожил ряд важных документов, отражающих движение зерна в колхозе, в том числе акт передачи семенной пшеницы от кладовщика Воробьева кладовщице Юдиной.

Следствие также выявило подлинное лицо ревизора Ямалетдинова и его роль в укрывательстве преступной деятельности Золина, с которым он систематически пьянствовал в компании с налоговым агентом Юдиным и кладовщицей Юдиной. Зная о недостатке зерна и отсутствии его учета в колхозе, Ямалетдинов длительное время скрывал это, не принимая никаких мер.

В свете всех этих фактов стала вырисовываться обстановка, при которой был убит Коробов, и действительные убийцы его. Зная о махинациях с семенной пшеницей, Коробов неоднократно сообщал об этом в районный отдел сельского хозяйства и выступал по этому поводу на колхозном собрании. По его сигналу за два дня до убийства в селе была проведена выездная сессия исполкома, на которой разбирался вопрос о недостатке семенной пшеницы. Исполком поручил ревизору Ямалетдинову остаться в селе и установить точные размеры недостатка.

Стало известно, что накануне дня, когда было совершено убийство, между Коробовым и Золиным произошла ссора на почве разоблачения преступных действий последнего, сделанных Коробовым.

Путем допроса ряда лиц я восстановил всю обстановку, предшествовавшую убийству. В результате было установлено, что после вечеринки на квартире у Макаровой, на которую был приглашен и Коробов, группа, состоящая из Золина, Юдина и Ямалетдинова, уговорила Коробова пойти на квартиру к Юдиной. По дороге Коробов был убит этими лицами, а затем они с целью направить следствие по ложному пути, перенесли труп убитого от дома Юдиной, около которого совершили убийство, в другую часть села, к дому, где в тот день но-

чевал у своего знакомого Кобзев, о неприязненных отношениях которого к Коробову было известно всем.

Таким путем Золин, Юдин и Ямалетдинов отомстили Коробову за разоблачение их преступной деятельности и одновременно устранили свидетеля, показания которого сыграли бы важную роль в случае расследования хищений в колхозе.

Арестовав преступников, я предъявил им обвинение в убийстве Коробова и в хищении колхозного зерна.

Народный суд осудил преступников по ст. 136 УК РСФСР и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на длительные сроки лишения свободы.

Так тщательное исследование всех обстоятельств и мотивов совершения, на первый взгляд, казалось бы, обычного бытового убийства позволило не только установить действительных убийц, но и вскрыть крупное хищение колхозной собственности. Кроме того, опыт расследования данного дела показывает недопустимость увлечения одной какой-либо версией при расследовании преступлений.

*Народный следователь
Руденского района Минской области
юрист 3-го класса*

М. Б. ГИТЛИН

СВОЕВРЕМЕННЫЙ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПОМОГ РАСКРЫТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В январе колхоз «Перемога» испытывал затруднения с кормом для скота. Каждый пуд сена был на учете.

В этот же период неизвестные преступники стали систематически похищать сено из колхозных стогов.

Неоднократные попытки органов милиции найти расхитителей, посягавших на общественное имущество, результата не имели.

Утром 26 января председатель колхоза «Перемога» сообщил в районную прокуратуру об очередном факте хищения колхозного сена. Были названы и лица, подозревавшиеся в преступлении.

Прокурор района предложил мне немедленно выехать в колхоз и срочно провести расследование. Из предварительных бесед с председателем колхоза и несколькими колхозниками мне стало известно, что колхозники, решив во что бы то ни стало узнать, кто занимается хищением сена, установили вечерние дежурства. В одно из таких дежурств, ночью 25 января, они заметили двух членов колхоза — Баркуна и Каленика, ввозивших

во двор Каленика сани, доверху нагруженные сеном.

На вопрос о том, откуда они везут сено, Баркун и Каленик ничего вразумительного сказать не могли и только просили их простить. Сено было у них отобрано, а к моему приезду в колхоз оно уже было скормлено скоту.

Имеющихся данных было недостаточно для вывода о том, что расхитителями колхозного сена являются Баркун и Каленик. Осложнялось следствие и тем, что отобранное у названных лиц сено не сохранилось.

Я решил произвести осмотр места, где были расположены колхозные стога, так как был убежден, что это даст нити для раскрытия преступления. Совместно с понятыми я произвел осмотр стогов. В одном из них, расположенном на так называемом «Ясновском болоте», мы обнаружили, что сено изымалось: около стога было множество следов ног, однако они оказались настолько неясными, что снять слепки с них было невозможно.

К стогу со стороны дороги, ведущей из деревни Ясновки, где был расположен колхоз, в деревню Токарня подходили следы полозьев санок. По этим следам можно было определить, что санки после разворота у стога вновь повернули к этой дороге. С помощью рулетки я измерил расстояние между внутренними краями следов полозьев (42 см) и ширину самих полозьев (5 см).

Небольшое расстояние между полозьями и отсутствие следов копыт указывало на то, что санки везли люди. Как и у стога, следы ног людей, везших санки, были настолько неясны, что зафиксировать их не представлялось никакой возможности. Нельзя было судить и о том, сколько человек везло санки.

Каких-либо характерных индивидуальных особенностей следы полозьев не имели. В связи с этим я считал возможным, не делая слепков со следов, ограничиться измерениями. Взяв сено из стога в качестве образца, мы направились по следам полозьев от стога обратно. В нескольких местах рядом со следами мы обнаружили упавшее с саней сено, которое я также аккуратно собрал.

Следы полозьев вскоре вышли на дорогу и затерялись во множестве других следов.

Надеясь вновь найти следы этих санок, я осмотрел большой участок этой дороги. У деревни Ясновка поиски увенчались успехом. Следы полозьев были вновь найдены. Точное совпадение ширины полозьев и расстояния между ними говорило, что следы, очевидно, оставлены одними и теми же санками. Эти следы привели во двор Каленика, где на месте оказались и санки.

Расстояние между внутренними краями полозьев и ширина полозьев точно совпадали с теми измерениями, которые были сделаны у стога, а затем и в месте, где сани свернули с дороги к дому Каленика.

Около дома Каленика был найден и клоч сена, который я также взял для последующего исследования.

О своих действиях я составил подробный протокол, к которому приложил схематический план. Он позволял легко ориентироваться в протоколе и, в частности, видеть, где были обнаружены следы полозьев, где эти следы затерялись, где их вновь нашли и куда они нас привели. На плане было также помечено, в каких местах было найдено взятое для исследования сено.

Дело казалось мне совсем ясным. Однако при допросе Баркун и Каленик отрицали факты хищения колхозного сена, утверждая, что сено было им обоим дано их односельчанином Карелым. Договоренность о получении сена была с Карелым только у Баркуна, а Каленик, по его словам, лишь помогал Баркуну перевозить сено и дал для этого свои санки. Объяснения Баркуна и Каленика требовали, конечно, проверки. Следовало прежде всего допросить Карелого, что я и сделал.

Карелый подтвердил, что он действительно по просьбе Баркуна дал ему свое сено, которое Баркун 25 января на санках и увез.

Желая установить, не будет ли противоречий в показаниях Карелого и Баркуна, я предложил рассказать мне все подробности, связанные с выдачей сена Баркуну. Карелый подробно показал, когда Баркун обратился к нему с просьбой дать ему сено, в котором часу Баркун пришел к нему, как они вместе сидели перед домом и выкурили по одной папиросе «Беломорканал» и т. д. По моей просьбе Карелый нарисовал план, на котором показал место, где он разговаривал с Баркуном, и подвал, из которого выдал Баркуну сено.

Окончив допрос Карелого, я изъясил в качестве образца сено из указанного Карелым подвала. Именно часть этого сена, по показаниям Карелого, была им дана Баркуну.

После допроса Карелого был вновь допрошен Баркун. Он очень подробно показал, когда именно приходил к Карелому, где они сидели, рассказал, как выкурили по одной папиросе, и т. д.

В общем показания Карелого и Баркуна до момента получения сена совпадали в самых мелких деталях. Я уже начал сомневаться в правильности своих предположений о том, что они успели договориться. Однако дальнейшие их показания подтвердили мое предположение.

Договорившись о самых мелких деталях, на разноречивом изложении которых их могли уличить во лжи, Баркун и Карелый забыли договориться о главном, а именно о месте, где находилось сено, которое Карелый «давал» Баркуну. Баркун назвал местом, где он «получал» сено, не подвал, в котором действительно имелось сено, а сарай, находившийся за домом, где жил Карелый. О сарае Карелый на допросе и не упоминал.

Противоречие в показаниях Баркуна и Карелого по такому серьезному вопросу я решил выявить более убедительно.

В этих целях поочередно с участием сначала Баркуна, а потом Карелого был произведен в присутствии понятых выход к дому, где жил Карелый.

Баркуну было предложено указать место, откуда 25 января он получил от Карелого сено. Баркун, указав на деревянный сарай, стоявший за домом, где жил Карелый, показал, что именно там находилось сено и оттуда он складывал его на санки.

Этот сарай был мною сфотографирован, о чем я сделал соответствующие отметки в протоколе. Между тем оказалось, что этот сарай принадлежал не Карелому, а другому лицу, и сено там никогда не хранилось.

Затем был приглашен Карелый. После предложения указать, откуда он дал сено Баркуну, Карелый сразу же подвел к подвалу и указал на него. Этот подвал был также сфотографирован.

Разумеется, Карелый не знал, что аналогичное следственное действие производилось с участием Баркуна.

Протоколы и приложенные к ним фотоснимки убедительно показали, что попытка Карелого своим лжесвидетельством выгородить одного из преступников окончилась неудачей.

В заключение мною была назначена экспертиза.

Исследовав представленные образцы сена, эксперт — главный агроном Руденского райсельхозотдела — пришел к выводу, что образцы, взятые из стога, и образцы, найденные у следов полозяев по дороге от стога и около дома Каленика, однородны между собою и резко отличаются по составу основной травы и примесям других трав от образцов сена, принадлежащего Карелому.

Вывод экспертизы вполне совпадал с выводами следствия о том, что хищение было совершено из колхозного стога, и опровергал объяснения Баркуна и Каленика о происхождении сена.

Расследование я закончил в 5 дней.

Баркун и Каленик были признаны судом виновными в хищении колхозного сена и осуждены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

В отношении Карелого было возбуждено уголовное дело за дачу им на следствии заведомо ложных показаний.

*Народный следователь прокуратуры
Цесвайнского района
Латвийской ССР
младший юрист
М. Я. ЭБЕРЛИНА*

ОПЕРАТИВНОСТЬ — ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ ХИЩЕНИЯ

Рано утром 26 декабря 1952 г. я по просьбе работников районной милиции выехала вместе с ними в колхоз «Коммунар», откуда поступило сообщение о том, что из этого колхоза похищен один ящик сливочного масла весом в 22,5 кг. По заявлению председателя колхоза, хищение было произведено в ночь на 26 декабря из кузова колхозной грузовой автомашины, поставленной на ночь в не запирающийся на замок колхозный сарай.

От председателя колхоза мы узнали, что хищение обнаружил часа два тому назад шофер, явившийся к автомашине, чтобы ехать в районный центр. Увидев в кузове беспорядочно разбросанный груз, он пересчитал места и не досчитался одного ящика сливочного масла. Кроме шофера, к машине больше никто не подходил.

При осмотре места происшествия мы установили, что груз в кузове машины действительно разбросан. Против выписанных накладных на машине недоставало одного ящика сливочного масла весом в 22,5 кг.

Недалеко от сарая, в котором стояла машина, мы заметили в снегу следы ног лошади и санных полозьев. Следы удалялись по направлению к полю. Вместе с

понятыми мы пошли по следам. Видно было, что лицо, управлявшее лошадей, пыталось запутать следы: несколько раз лошадь поворачивалась в обратном направлении. Затем следы снова вели в первоначальном направлении. Местами лошадь с санями сходила с дороги, уходила в поле, затем возвращалась на дорогу.

Так мы прошли по следам около 4 км. Тут мы заметили на дороге крашеную дощечку, оторванную, повидимому, от обшивки саней. Рядом с этим местом снег был *вытоптан*, а затем следы ног двух человек вели от дороги в поле, к старой картофельной яме, находившейся метрах в тридцати от дороги. В ней мы и обнаружили ящик со сливочным маслом. На ящике имелась надпись «Колхоз Коммунарс».

Таким образом, оказалось, что мы шли по верному следу, и нам удалось разыскать похищенное. Но этого, разумеется, было недостаточно. Надо было обнаружить воров.

При осмотре дорожек следов, оставленных в снегу ногами двух человек, нам удалось найти несколько четких отпечатков обуви. Они по рисунку были похожи на отпечатки подошв резиновых галош. Хорошо было бы, конечно, сфотографировать эти отпечатки и отлить с них хотя бы один слепок. Это могло бы очень пригодиться в будущем при идентификации обуви лиц, заподозренных в хищении. Но в то время в прокуратуре, где я работаю, еще не было следственного чемодана. Единственное, что я сумела сделать, чтобы как-нибудь зафиксировать следы человека на снегу, свелось к тому, что я в присутствии понятых с помощью мягкого метра измерила ширину и длину следа и зафиксировала на бумаге рисунок подошв резиновых галош. Это было отмечено в протоколе осмотра, составленном мною на месте обнаружения ящика со сливочным маслом.

Отсутствие в моем распоряжении фотоаппарата и других научно-технических средств, естественно, лишило меня возможности воспользоваться в дальнейшем таким важным доказательством, как заключение криминалистической экспертизы по вопросу о том, чьей обувью были оставлены следы на снегу.

Я также взяла и в дальнейшем приобщила к делу в качестве вещественного доказательства обнаруженную на дороге крашеную дощечку, что также было отмечено в протоколе осмотра.

Затем мы продолжали двигаться дальше по следам лошади и саней. Эти следы нас привели на хутор к дому, где проживал колхозник Александр Сарканаболс с братом и другими членами семьи. В его дворе стояла лошадь, запряженная в сани. При осмотре саней было обнаружено, что от их обшивки была отломлена дощечка. Следы облома были свежие. При сопоставлении окраски обшивки саней с окраской дощечки было видно на глаз, что окраска одинаковая.

Мы вошли в жилой дом. В первой комнате сидели Александр Сарканаболс и его брат Янис. Оба брата в этот ранний час выпивали за столом. Я написала постановление о производстве обыска с целью обнаружения обуви, оставившей следы на месте, где было спрятано похищенное масло. При обыске были обнаружены валенки в резиновых галошах, которые принадлежали Сарканаболсу Александру. При сопоставлении их размера и рисунка подошвы с записанными мною размерами следов и с их рисунком оказалось, что обнаруженные в доме валенки в галошах вполне могли оставить именно такие следы.

Обнаруженная на дороге дощечка была приложена к обшивке саней в том месте, где имелись следы отлома. Линии отлома совпали, и дощечка полностью уместилась в проеме. Об этом был составлен протокол.

На хуторе я допросила в качестве свидетелей соседей братьев Сарканаболс. Показаниями нескольких лиц было установлено, что в этот день, около 5 часов утра, братья Сарканаболс куда-то уехали на санях и вернулись около 7 часов 30 минут утра.

Под давлением собранных улик братья Сарканаболс признались в хищении колхозного масла. Оба они были арестованы и преданы суду по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и осуждены.

Примечание редакции. Как отмечает т. Эберлина, недостатком данного расследования являлось неприменение научно-технических средств при осмотре места, где было спрятано похищенное масло. Это действительно лишило следователя возможности назначить криминалистическую экспертизу для идентификации обуви Александра Сарканаболса по следу, оставленному им на

снегу. Но если данный пробел следствия не зависел от т. Эберлиной, не располагавшей в то время следственным чемоданом, то другой промах расследования, о котором будет сказано ниже, зависел целиком от следователя и проистекал от того, что следователь пренебрег принципом полноты следствия.

В данном случае следователь кустарным способом проверил принадлежность найденной на дороге дощечки саням Сарканаболса. На глаз было определено, что окраска дощечки и обшивки саней одинакова, что дощечка по своему размеру подходит к обшивке саней, что линии отлома на обшивке и в дощечке совпадают. Удовлетворившись тем, что братья Сарканаболсы под давлением собранных, но надлежащим образом еще не исследованных улик сознались в хищении ящика колхозного масла, т. Эберлина не назначила криминалистической экспертизы. Между тем такая экспертиза могла бы научно идентифицировать дощечку как принадлежащую обшивке данных саней, доказав, что химический состав краски на дощечке и обшивке саней совершенно одинаков и что линии отлома полностью соответствуют одна другой, и на этом основании дать категорическое заключение о том, что дощечка оторвана от обшивки саней Сарканаболса. Такая экспертиза была необходима для полноты следствия, так как в случае отказа братьев Сарканаболсов в суде от своих показаний не оставалось бы достаточных доказательств для их изобличения в хищении. Для производства такой криминалистической экспертизы т. Эберлина должна была бы измерить проем в обшивке саней, образовавшийся в результате отлома от нее дощечки, и отпилить от обшивки саней часть доски, на которой имелась линия отлома, зафиксировать это в протоколе осмотра и послать в криминалистическую лабораторию: а) протокол осмотра; б) дощечку, обнаруженную на дороге; в) отпиленную часть доски. Этого, однако, сделано не было.

В результате этого упущения следователь сумел использовать имевшиеся в деле вещественные доказательства только в оперативных целях, чтобы склонить Сарканаболсов к признанию своей вины, но не в качестве судебных доказательств.

*Народный следователь прокуратуры
Тукумского района
Латвийской ССР
юрист 3-го класса
М. Р. МЕЙРТЕ*

РОЗЫСК ПОХИЩЕННОГО — ВАЖНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В следственной практике иногда встречаются дела о хищениях колхозного имущества, при расследовании которых ревизии и бухгалтерские экспертизы не в состоянии установить действительный размер похищенного. В этих случаях критерием для суждения о размере похищенного является обнаруженное и изъятое следователем имущество.

Определение действительного размера похищенного имеет большое значение для правильной квалификации преступления, для уяснения степени общественной опасности преступника. Поэтому при отсутствии иных возможностей для установления действительного размера нанесенного ворами ущерба приобретает особое значение деятельность следователя по розыску и изъятию похищенного имущества.

В подобных случаях эта деятельность направлена не только на возмещение колхозам нанесенного им материального ущерба, но и на установление необходимых элементов состава преступления.

Одно из таких дел я и хочу описать в настоящей статье.

Осень 1952 года была в Латвии очень дождливой. Обмолоченный хлеб был сырой. Имевшиеся в колхозах зерносушилки не успевали высушивать зерно перед его отправкой на заготовительные пункты. Кое-где возникла угроза срыва сроков обязательных государственных поставок зерна.

В Тукумском районе в целях ускорения процесса сушки зерна были установлены машинно-тракторными станциями дополнительные зерносушилки у приемных пунктов «Заготзерно». В этих сушилках досушивалось доставленное из колхозов зерно, если оно оказывалось слишком влажным, и поэтому некондиционным для сдачи по государственным поставкам. Зерносушилки у Тукумского приемного пункта «Заготзерно» обслуживались самими колхозами: из каждого колхоза туда назначались ответственные лица и колхозники в помощь им.

На одной из таких сушилок производила сушку зерна сельскохозяйственная артель «Бривба». Ответственным за сушку и сдачу зерна этой артели был назначен заместитель председателя правления Фрейманис.

Ни МТС, которой принадлежали зерносушилки, ни «Заготзерно», на чьей территории происходила обработка зерна, ни сами колхозы не осуществляли никакого контроля за количеством зерна, сдаваемого на просушку. Влажность зерна перед сушкой никем не определялась. Процент влажности устанавливался путем анализа только при приеме зерна на заготовительный пункт. Таким образом, проверить процент усушки не представлялось возможным.

Зерно поступало из колхоза «Бривба» к Фрейманису по накладным, и Фрейманис сдавал его в заготпункт тоже по документам и этими документами отчитывался перед колхозом в расходовании принятого им зерна. Однако никем не контролируемый процесс сушки создавал условия для расхищения.

Этим воспользовались Фрейманис и назначенный ему в помощь колхозник Кранцманис. Они полагали при этом, что третий колхозник, работавший на зерносушилке, глухонемой Резевский, не сможет их разоблачить. В качестве сообщников Фрейманис и Кранцманис привлекли некоторых городских шоферов, мобилизованных на время уборочной кампании для перевозки зерна нового урожая из колхозов на заготовительные пункты.

Одним из таких шоферов являлся некий Вейсс.

20 сентября 1952 г. Вейсс с Кранцманисом на грузовой машине были задержаны работниками милиции на территории Салдусского района. В кузове автомашины находились три мешка озимой пшеницы, в которых оказалось 262 кг зерна. Задержанные были доставлены в Тукумское районное отделение милиции.

Узнав об этом, глухонемой колхозник Резевский в тот же день подал в милицию письменное заявление о том, что Фрейманис и Кранцманис расхищают колхозное зерно.

На этом основании милицией было возбуждено уголовное дело, в расследование которого я немедленно включилась.

Я начала следствие с допроса свидетеля Резевского. Работу мне облегчило то обстоятельство, что Резевский был вполне грамотен и мог собственноручно написать свое показание. Подготовленные мною вопросы я задавала свидетелю в письменном виде, вписывая в протокол допроса формулировки этих вопросов, а Резевский после каждого вопроса вписывал в протокол допроса свои ответы.

Показания Резевского были ценными, так как он уличал Фрейманиса и Кранцманиса в хищении не только того зерна, с которым были задержаны Кранцманис и Вейсс 20 сентября, но и в других, более крупных хищениях.

После Резевского я допросила задержанных Кранцманиса и Вейсса, а затем названного ими как соучастника хищения Фрейманиса. Все трое признали себя виновными в хищении, но дали разноречивые показания. Вейсс показал, что он 20 сентября получил от Фрейманиса и Кранцманиса три мешка зерна, которые он погрузил у зерносушилки на машину и повез для продажи. Фрейманис и Кранцманис заявили, что хищение зерна они произвели за два дня до этого, т. е. 18 сентября, причем похитили только два мешка зерна и отвезли их по указанию Вейсса на одну квартиру, откуда Вейсс 20 сентября повез зерно на машине для продажи. Похищение же третьего мешка с зерном они отрицали.

Вейсс, Фрейманис и Кранцманис были арестованы.

Все трое на допросах категорически отрицали совершение ими каких-либо иных хищений до этого. Однако

я сочла необходимым проверить, не носили ли хищения зерна с зерносушилки систематического характера.

Единственным способом опровергнуть объяснения обвиняемых в данном случае могло быть обнаружение похищенного зерна путем обысков.

Исходя из того, что Вейсс по документам являлся уроженцем Салдусского района и что машина Вейсса с похищенным зерном была задержана также в Салдусском районе, я решила проверить, нет ли в этом районе близких Вейссу лиц, которым он мог привозить и ранее похищаемое зерно.

Допросив Вейсса, я выяснила, что в Салдусском районе проживают его мать и сестра. Теперь следовало внезапно произвести у них обыск, пока они не узнали о задержании сына и брата. Я так и сделала. Неожиданный обыск, произведенный в доме Вейсса, дал положительный результат. В закромах было найдено 333 кг озимой пшеницы, по поводу которой сестра Вейсса объяснила, что ее привез Вейсс 13 сентября и продал за 450 руб. Зерно, по объяснению сестры и матери Вейсса, было привезено в пяти мешках, но Вейсс ссыпал зерно в закрома, а пустые мешки увез.

На очной ставке с сестрой Вейсс признал, что зерно обнаруженное у его родных, он получил от Фрейманиса и Кранцманиса для продажи. Свое личное участие в хищении этого зерна Вейсс отрицал.

Фрейманис и Кранцманис при дополнительном допросе в свою очередь признали свое участие в хищении из сушилки пяти мешков озимой пшеницы, обнаруженной в доме родных Вейсса, и объяснили, что совершили это хищение 13 сентября.

Вторично допрошенные по поводу хищения зерна, совершенного 18 сентября, Фрейманис и Кранцманис подтвердили свои ранее данные показания о том, что в тот день похитили всего два мешка озимой пшеницы, и показали дом в г. Тукумс, куда они 18 сентября доставили эти мешки и откуда их повезли 20 сентября на машине в Салдусский район.

Я обратила серьезное внимание на этот дом. Я подумала, что если в этом доме могла быть спрятана одна партия похищенного зерна, то не исключается возможность использования преступниками этого места и в других случаях хищения. В этом доме был немедленно

произведен обыск, но он не дал положительных результатов. Тогда были допрошены в качестве свидетелей жильцы дома. Одно допрошенное лицо заявило, что за день до доставки Вейссом, Фрейманисом и Кранцманисом двух мешков зерна Вейсс с двумя другими лицами привез один мешок зерна, который хранился в доме также до 20 сентября. В этот день Вейсс вывез на машине одновременно все три мешка.

Я документально установила, что 17 сентября Вейсс перевозил зерно из Сельскохозяйственной артели «Земгала» и что в один из рейсов из амбара было получено на 90 кг зерна больше, чем было сдано на заготовительный пункт. В эту поездку груз сопровождали колхозники Абариньш и Пипе.

Будучи допрошенными, Абариньш и Пипе после недолгого запирательства, убедившись, что хищение раскрыто, признали себя виновными и показали, что Вейсс уговорил их украсть для него один мешок озимой пшеницы. За похищенное зерно Вейсс им денег не дал, а устоял в ресторане водкой.

Абариньш и Пипе были арестованы.

Чтобы проверить их показания, я допросила официантку ресторана, которая подтвердила, что несколько дней тому назад эти колхозники выпивали в ресторане в обществе хорошо ей известного шофера Вейсса, который за всех расплатился.

Из показаний Резевского было видно, что помимо случаев вывоза похищенного зерна на машине, зерно несколько раз вывозилось из сушилки каким-то незнакомым шофером на повозке. При предъявлении Резевскому ряда лиц, против которых в милиции имелись подозрения, им был опознан водитель грузовой автомашины Тукумской конторы «Сельхозснаб» Михневич, который на своей машине неоднократно возил на заготовительный пункт зерно из сельскохозяйственной артели «Бривиба».

При допросе по этому поводу Фрейманис и Кранцманис признались, что в начале сентября совместно с Михневичем ночью похитили с машины, доставленной Михневичем из колхоза, два мешка озимой пшеницы, вывезли их на повозке, которую достал Михневич, и показали дом, в который пшеница была продана.

Хозяйка этого дома гр-ка Ронис подтвердила покупку

у Михневича двух мешков озимой пшеницы за 225 руб. и добровольно выдала купленное зерно, которого при взвешивании оказалось 141 кг.

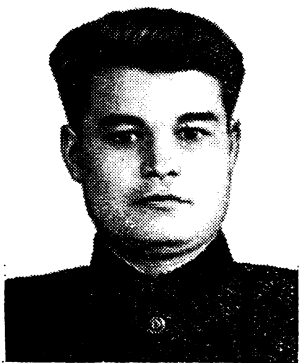
После этого Михневич сознался, что участвовал в хищении зерна, и был арестован.

Сознавшись в продаже похищенного зерна гр-ке Ронис, Михневич сообщил мне еще об одном случае хищения зерна.

Он пояснил, что по договоренности с Фрейманисом и Кранцманисом, он в два приема вывез и продал гр-ке Бартушевой три мешка озимой пшеницы, за что получил от нее 240 руб. Бартушева сначала пыталась отрицать покупку зерна у Михневича, но, когда при обыске в ее доме были обнаружены 145 кг озимой пшеницы, она изменила свои показания и подтвердила, что приобрела зерно у Михневича и каких-то двух неизвестных ей колхозников, которые уверяли ее, что продают свое собственное зерно, полученное за трудодни. После этого факт хищения признали также Фрейманис и Кранцманис. Это признание было подтверждено опознанием их Бартушевой.

Таким образом, по этому делу было выявлено и изъято всего 881 кг похищенного зерна. Это явилось тем имуществом, в хищении которого преступникам могло быть предъявлено обвинение. Из этого количества один мешок, весом около 90 кг, принадлежал сельхозартели «Земгала», а остальные — колхозу «Бривибя». Не исключалось, конечно, что преступниками было похищено и больше зерна, но при существовавших недостатках учета колхозного зерна, сдаваемого на зерносушилку, доказать и установить бухгалтерским путем действительные размеры похищенного не представлялось возможным.

Преступники были осуждены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

*Старший следователь прокуратуры
Бурят-Монгольской АССР
младший юрист*

А. Ф. БАЙБОРОДИН

ЗАМАСКИРОВАННЫЙ СПОСОБ ХИЩЕНИЯ СКОТА

В августе 1952 года мною было окончено расследование уголовного дела по обвинению группы работников колхоза «Улан-Торей», расположенного в Торейском аймаке Бурят-Монгольской АССР. Указанное дело представляет большой интерес с точки зрения тех приемов, при помощи которых преступники длительное время занимались систематическим расхищением колхозного скота. К уголовной ответственности по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. и по ст. 109 УК РСФСР были привлечены заместитель председателя колхоза Балтатаров, счетовод Жамбалов, бывший заведующий молочно-товарной фермой колхоза Мункуев, заведующий молочно-товарной фермой Будаев и председатель ревизионной комиссии колхоза Ринчинов.

Дело возникло так. Прокурор Торейского аймака т. Петушинова, находясь в колхозе «Улан-Торей», где она проводила проверку причин падежа нескольких голов крупного рогатого скота, получила от колхозной общественности ряд сигналов о том, что в колхозе расхищается общественный скот. По предложению прокурора, аймачный отдел сельского хозяйства провел инвентаризацию

поголовья скота и ревизию хозяйственно-финансовой деятельности колхоза. Однако серьезных злоупотреблений, а тем более хищений ревизией установлено не было. Единственное нарушение, указанное в акте ревизии, заключалось в том, что 35 колхозных телят находились на кормлении у отдельных колхозников, а не на ферме.

Заместитель председателя колхоза Балтатаров объяснял это тем, что в колхозе нехватает кормов, и с целью сохранения молодняка он временно отдал его колхозникам.

Однако прокурор аймака т. Петушинова, ознакомившись с актом ревизии и установив, что ревизоры недостаточно глубоко исследовали некоторые вопросы, провела дополнительную проверку отдельных фактов. В результате был выявлен ряд злоупотреблений, допущенных заместителем председателя колхоза Балтатаровым, счетоводом Жамбаловым и заведующим молочно-товарной фермой Будаевым. В частности, было установлено, что Балтатаров и Жамбалов израсходовали не по назначению 15 тыс. руб., полученных колхозом для строительства домов, а также обменяли на ферме колхоза принадлежащих им телят на высокопродуктивных коров, которых продали.

Указанные факты послужили основанием для возбуждения уголовного дела.

Расследованием было установлено, что Балтатаров совместно с Жамбаловым, Мункуевым, Будаевым и председателем ревизионной комиссии Ринчиновым, воспользовавшись отсутствием контроля со стороны аймачного отдела сельского хозяйства, систематически, начиная с 1949 года, занимались хищением крупного рогатого скота, принадлежащего колхозу.

Хищение производилось следующим образом: Балтатаров и заведующие МТФ — сначала Мункуев, а потом Будаев, по договоренности с некоторыми колхозниками сдавали бракованный колхозный скот в аймачную контрольную «Заготскот» в счет мясопоставок государству за этих колхозников, выдавая им соответствующие квитанции. За это «одоление» колхозники отдавали в колхоз своих телят. Таким образом, преступники, сдавая одну колхозную корову в счет погашения мясопоставок, причитающихся с шести-семи колхозных дворов, получали взамен шесть-семь телят, а так как операции по сдаче и получе-

нию скота документами не оформлялись, то в колхозе образовался неучтенный излишек поголовья скота.

Так, например, в 1951 году они сдали в контору «Заготскот» девять колхозных коров в счет мясопоставок 39 колхозных дворов. Взамен этого от 20 колхозников преступники получили 20 телят, а с остальных 19 колхозников — деньги и различные вещи. Кроме этого, преступники присваивали себе деньги, полученные в конторе «Заготскот» за сдаваемое мясо.

Созданный таким образом излишек поголовья скота расхищался различными путями, причем, разумеется, преступники расхищали не телят, а крупный рогатый скот, который продавали на рынках и раздавали своим знакомым и родственникам.

Было установлено, например, что Балтатаров и Жамбалов, купив для колхоза дом, отдали за него колхозную корову, а с продавца взяли расписку в получении им за дом 1270 руб. Указанную расписку они провели по бухгалтерии, а из кассы колхоза взяли 1270 руб. и присвоили.

Большое количество скота преступники забили, мясо продали на рынках, а деньги присвоили. Факты преступных махинаций с колхозным скотом удалось установить путем осмотра путевых листов и допроса шоферов колхоза, возивших мясо и скот на рынки г. Улан-Удэ, а также осмотром документов в управлении рынков г. Улан-Удэ. Осмотр документов показал, что представители колхоза «Улан-Торей» неоднократно продавали на рынках большое количество мяса. Изучением документов на сбор денег за взвешивание, за торговое место и за клеймение мяса удалось ориентировочно определить количество проданного мяса. При проверке в колхозе документов на расход скота и на оприходование денег от его продажи не оказалось. Так удалось установить, что в колхозе было расхищено свыше 100 голов крупного рогатого скота. С целью сокрытия своей преступной деятельности Балтатаров и Жамбалов, узнав о назначении ревизии, переделали в 28 ведомостях учета скота возраст скота с 1951—1952 гг. на 1948—1949 гг., чем ввели ревизоров в заблуждение.

В результате внимательного осмотра документов эти подлоги были обнаружены. Повторная ревизия, проведенная под наблюдением следователя, выявила весь круг

преступной деятельности Балтатарова и связанных с ним лиц.

Проверкой квитанций в конторе «Заготскот», а также допросами работников конторы и колхозников, фамилии которых фигурировали в этих квитанциях, было установлено, что мясopоставки за большинство из них сдавались колхозом. Одновременно выяснилось, что 35 колхозных телят, находившихся у колхозников якобы из-за недостатка кормов в колхозе, фактически принадлежат этим колхозникам, так как по договоренности с Балтатаровым колхозники должны были осенью отдать телят в колхоз в погашение своей задолженности колхозу за сданные за них колхозом мясopоставки.

В процессе расследования также выяснилось, что только в 1952 году преступники заменили своим знакомым и родственникам имевшиеся у них 15 коров на породистых и высокопродуктивных коров из колхозного стада.

В общей сложности своими действиями преступники нанесли колхозу материальный ущерб на сумму свыше 150 тыс. руб.

В целях обеспечения гражданского иска следственными органами был наложен арест на имущество обвиняемых. Все указанные лица были осуждены Верховным судом Бурят-Монгольской АССР к длительным срокам лишения свободы.

Следственный отдел прокуратуры Бурят-Монгольской АССР направил методическое письмо всем прокурорам автономной республики, в котором вскрыл способы, применяемые преступниками при хищении. В результате были вскрыты аналогичные факты хищения колхозного скота в некоторых других колхозах.

АГРОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОМОГЛА РАСКРЫТЬ ХИЩЕНИЕ КАРТОФЕЛЯ

(По материалам прокуратуры Львовской области)

Осенью 1952 года в колхозе имени Кирова колхозники убирали картофель.

Собранный картофель накрывался ботвой. Колхозники, окончив работу 2 октября, как обычно, накрыли картофель ботвой и ушли домой. Последующие три дня они на поле не работали. А утром 6 октября явившиеся на работу колхозники увидели, что картофель, сложенный ими 2 октября и покрытый ботвой, разбросан, а весь крупный картофель выбран и похищен.

Прибыв на место происшествия и произведя осмотр, следователь обратил внимание на то, что неподалеку от места хищения были видны следы от колес подвода, подков лошади и ног двоих людей. Следы от колес были глубокие, что говорило о тяжелой нагрузке подвода.

На вопрос следователя, давно ли приезжала за картофелем подвода, присутствующие при осмотре колхозники ответили, что картофель они начали убирать недавно и с поля его еще не вывозили, да и вообще за дни уборки картофеля подводы к ним на поле к этому месту не приезжали.

В связи с этим возникло предположение, что обнаруженные на месте происшествия следы принадлежат подводе, на которой был увезен похищенный картофель.

На основании результатов осмотра места происшествия возникла версия, что хищение было совершено двумя людьми, которые увезли колхозный картофель на подводе.

Прежде всего следователь измерил расстояние между следами колес. Оказалось, что между следами, оставленными передними колесами, оно равнялось 99 см, а между задними — 100 см. Так как почва в этом месте была рыхлая, то отпечатки обода передних колес и следы подков лошади были отчетливы.

Надо было быстро собрать на месте имеющиеся доказательства. С этой целью, выбрав наиболее характерный участок следов передних колес и след передней правой ноги лошади, следователь изготовил с них гипсовые слепки.

С других отпечатков слепки не делались, так как следы были нечеткие и нерезкие. Со следов ног людей гипсовые слепки также не делались, так как эти следы ко времени прибытия следователя на место происшествия были уже нарушены.

В протоколе было тщательно зафиксировано все обнаруженное на месте происшествия и составлен подробный план местности.

Необходимо было выяснить, кто в ночь на 4 октября брал лошадь и повозку. Допрошенный по этому поводу сторож конюшни Лобаз заявил, что 4 октября, примерно в 5 часов утра, он заметил, что из конюшни похищена лошадь, о чем тут же поставил в известность старшего конюха Клыша, который сказал, чтобы он не волновался, так как, по словам колхозника Бильчука, лошадь взял ездовой Яропуд.

Колхозник Бильчук подтвердил показания Лобаза и пояснил, что в ночь с 3 на 4 октября он дежурил в первой бригаде. Примерно в 3 часа ночи, обходя колхозный ток, он слышал какой-то стук возле конюшни.

Подойдя ближе, он увидел, что ездовой Яропуд и бригадир тракторной бригады Мороз меняют колесо с одной повозки на другую (одевали более прочное колесо). Тогда он поинтересовался, куда они собрались ехать ночью, и узнал от них, что они едут в МТС за запасными частями для трактора.

После этого разговора Мороз и Яропуд набрали сена в подводу и уехали по направлению к полю, где производилась уборка колхозного картофеля.

Имея такие показания, следователь немедленно произвел обыск на квартире у Яропуда и обнаружил 12 мешков из-под картофеля. На мешках имелась еще свежая

земля. Эти мешки были приобщены к делу в качестве вещественного доказательства.

Однако Яропуд виновным себя в хищении колхозного картофеля не признал и пояснил, что хотя он действительно в ночь на 4 октября самовольно взял колхозную лошадь, но на поле не ездил, а рано утром, на рассвете, поехал на рынок в г. Львов продавать картофель, снятый со своего приусадебного участка.

Яропуд утверждал, что он на лошади не подъезжал к месту, где находился в поле колхозный картофель, и никакого отношения к его хищению не имеет. Жена Яропуда подтвердила, что действительно она рано утром 4 октября помогла мужу погрузить на подводу четыре мешка картофеля.

По делу необходимо было назначить криминалистическую экспертизу для выяснения, оставлены ли следы подков на месте происшествия лошадию, на которой ездил Яропуд. Но когда по указанию следователя ветфельдшер осмотрел эту лошадь, оказалось что она раскована.

На допрос был вызван кузнец Галон. На вопрос о расковке лошадей, которых брал в ночь на 4 октября Яропуд на колхозной конюшне, Галон показал, что он лошадь не расковывал и удивлен, почему лошадь, которую он недавно подковал, оказалась раскована. Он высказал предположение, что лошадь могла быть раскована самим Яропудом. Одновременно Галон уверял, что знает примерно размеры и форму копыт всех колхозных лошадей. Кузнецу Галону был предъявлен гипсовый слепок следа подковы лошади, взятый мной на месте происшествия. Внимательно осмотрев его, кузнец заявил, что по размерам этот гипсовый слепок напоминает подкову лошади, на которой ездил Яропуд в ночь на 4 октября. Галон утверждал, что лошадь, на которой ездил Яропуд, имела подковы самого большого размера.

Естественно, что такие данные не могли явиться существенными доказательствами, тем более, что Яропуд категорически отрицал, что лошадь расковал он. Дальнейшее расследование осложнялось еще и тем, что не могли быть направлены на экспертизу и гипсовые слепки со следов колес подводы, так как никаких индивидуальных особенностей они не имели. Необходимо было искать другие доказательства хищения колхозного картофеля.

Чтобы окончательно проверить версию хищения колхозного картофеля Яропудом, оставалось еще лишь одно средство: назначить агротехническую экспертизу по исследованию земли, оставшейся в изъятых у Яропуда мешках, с целью установления ее происхождения.

В порядке подготовки такой экспертизы были отобраны образцы грунта и картофеля с участка, где имел место факт хищения, и с приусадебного участка Яропуда. Кроме указанных образцов грунта, на экспертизу были также направлены 12 мешков, изъятых у Яропуда.

На разрешение экспертизы был поставлен вопрос: соответствуют ли остатки почвы, обнаруженной в изъятых мешках у Яропуда, почве поля колхоза имени Кирова, откуда был похищен картофель, или почве приусадебного участка Яропуда.

В результате исследования экспертиза пришла к выводу, что остатки почвы из четырех представленных на исследование мешков соответствуют почве с участка земли, где имел место факт хищения колхозного картофеля, а остатки почвы из восьми мешков соответствуют почве с приусадебного участка Яропуда.

Изобличенный таким образом в совершении хищения картофеля, Яропуд, а впоследствии и Мороз признали себя виновными. Кроме того, Яропуд сознался, что он, узнав, что следователь обнаружил след лошади на месте кражи, и боясь раскрытия по этому следу преступления, расковал лошадь, на которой увозил с поля похищенное.

Яропуд и Мороз были преданы суду и осуждены по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

ИЗУЧЕНИЕ ПОРЯДКА ОФОРМЛЕНИЯ БУХГАЛТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ ПОМОГЛО РАСКРЫТЬ КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ ХИЩЕНИЕ

*(По материалам Всесоюзного научно-исследовательского
института криминалистики Прокуратуры СССР)*

В прокуратуру Витебского района БССР поступило заявление группы колхозников колхоза «17 лет Октября» Рудаковского сельсовета о злоупотреблениях члена правления колхоза Шишкова.

Ревизией, проведенной по заданию прокуратуры инструкторами-бухгалтерами районного сельскохозяйственного отдела, было установлено, что действиями Шишкова колхозу причинен материальный ущерб в 18 654 руб. Не ожидая окончания документальной ревизии, Шишков скрылся и акт ревизии не подписал. Дело было приостановлено, и объявлен розыск Шишкова. Через некоторое время Шишков был обнаружен и задержан. Дело о нем производством было возобновлено и передано для окончания расследования народному следователю т. Барановой.

Допрошенный в качестве обвиняемого Шишков заявил, что с актом ревизии он не согласен, а потому и ходатайствует о производстве повторной ревизии в его присутствии. Ходатайство Шишкова было удовлетворено.

Повторная ревизия подтвердила выводы предыдущей ревизии. Данный акт ревизии Шишков не подписал, утверждая, что ревизоры неосновательно отказались принять к зачету целый ряд счетов, представленных в оправдание израсходованных им подотчетных сумм.

Следствием было установлено, что товар по счетам, приложенным к авансовым отчетам Шишкова, на склад колхоза не поступал. Это давало основание предполагать, что представленные Шишковым счета являются фиктивными.

Перед следователем встала задача доказать фиктивность этих счетов и тем самым опровергнуть утверждение обвиняемого, что им не присваивались колхозные деньги. Среди представленных документов был целый ряд счетов, оплаченных им якобы наличными деньгами за десятки тонн минеральных удобрений, за семена и другие товары, необходимые для колхоза. По этим счетам по кассе колхоза списывались суммы, числящиеся за Шишковым в подотчете. Так, по счетам №№ 345 и 720 были списаны по кассе колхоза 1583 руб., как уплаченные Витебской областной конторе «Сельхозснаб» за 20 тонн минеральных удобрений. Также были списаны 1369 руб. по счетам №№ 475, 1042, 1297, как уплаченные Велижскому «Сельхозснаб» за 20 тонн минеральных удобрений. Однако квитанции от приходных ордеров об уплате денег и накладные о получении отсутствовали в документах колхоза. По книгам учета значащееся по счетам количество удобрений оприходовано также не было. Аналогичное положение было и с другими счетами. Однако Шишков упорно настаивал на том, что счета эти им оплачивались наличными, ссылаясь при этом на имеющиеся на счетах оттиски штампа Витебского «Облсельхозснаб» — «Оплачено наличными». Что же касается неоприходования по кладовой приобретенных им для колхоза товаров, то Шишков объяснил это своей халатностью.

Допросом кладовщика колхоза и ряда колхозников последнее утверждение Шишкова было опровергнуто.

Необходимо было установить, каким же образом Шишков добывал счета со штампом Витебского «Облсельхозснаб» об уплате за товар наличными. С этой целью были допрошены работники бухгалтерии Витебского «Облсельхозснаб» и проверен на месте порядок отпуска минеральных удобрений. Оказалось, что если за получением удобрений обращается представитель колхоза и заявляет, что деньги за удобрение будут перечислены через расчетный счет в Госбанке, то бухгалтер выписывает колхозу предварительный счет в одном экземпляре,

в котором указывает: кто, за что, кому должен уплатить определенную сумму денег. Бухгалтер подписывает этот счет и на нем ставит штамп «Витебская областная контора Сельхозснаб». По этому счету получатель обязан перевести на расчетный счет «Облсельхозснаб» указанную в счете сумму. После этого с документом о перечислении и доверенностью от колхоза представитель колхоза должен приехать за получением удобрений. Перед отпуском удобрений, проверив перечисление Госбанка и доверенность, бухгалтер выписывает новый счет в трех экземплярах, где указываются те же реквизиты. Один счет выдается на руки получателю, другой остается в кладовой и третий в бухгалтерии «Облсельхозснаб».

Счета, изъятые из бухгалтерии колхоза, были предъявлены бухгалтеру «Облсельхозснаб» Павловой, которая заявила, что эти счета выписаны ею, но при этом пояснила, что они предварительные и деньги по ним в «Облсельхозснаб» не поступали ни через Госбанк, ни наличными. Штамп «Оплачено наличными» на предварительных счетах не ставится. На предъявленных счетах она штампа не ставила и в приеме денег за кассира не расписывалась. При этом Павлова заявила, что из конторы «Облсельхозснаб» исчез штамп «Оплачено наличными», который впоследствии был заменен другим.

Таким же путем были проверены представленные Шишковым счета на семена у бухгалтера «Белплодоовощ» Ширяковой. Предъявленные ей счета оказались также предварительными. «Если бы эти счета были колхозом «17 лет Октября» оплачены,— пояснила допрошенная Ширякова,— то представитель колхоза с выпиской из Госбанка об оплате счетов явился бы в магазин «Сортосеменовощ», ему выписали бы накладную, на которой была бы отметка об отпуске семян и стоял бы треугольный штамп. По данным же счетам семена не отпускались, и деньги в магазин «Сортосеменовощ» не поступали ни наличными, ни через Госбанк».

Был послан запрос и в Велижский «Сельхозснаб» по поводу отпуска минеральных удобрений колхозу «17 лет Октября» и оплаты последним их счетов.

Как и следовало ожидать, Велижский «Сельхозснаб» ответил, что минеральных удобрений колхозу «17 лет Октября» не отпускалось, такие счета не выставлялись и денег по ним в кассу «Сельхозснаб» не поступало.

Таким образом было установлено, что Шишков получал предварительные счета, по которым фактически деньги не уплачивались, и представлял их как оправдательные документы в кассу для списания сумм, полученных им под отчет.

Перед следователем встал вопрос: кто ставил на счетах штамп «Оплачено наличными»? Но и эта «загадка» в скором времени нашла свое разрешение. Местный житель Пахницкий сообщил в милицию, что им найден штамп «Оплачено наличными». Допрошенный по этому поводу Пахницкий показал, что при разборке дома, принадлежащего гр-ке Журовой, у которой проживал Шишков, в стрехе крыши он нашел штамп «Оплачено наличными» и передал его работникам милиции. Проанализировав показания свидетелей Павловой и Пахницкого, следователь пришел к выводу, что штамп этот был похищен Шишковым из «Сельхозснаб» и использовался им для оттисков «Оплачено наличными» на предварительных счетах.

Собранных следствием данных было достаточно для изобличения Шишкова в представлении фиктивных счетов с целью присвоения полученных в подотчет сумм из кассы колхоза.

Шишков был предан суду по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и осужден.

На примере расследования этого дела видно, что анализ документов и изучение самого процесса оформления их, установление путей их движения помогают изобличению преступников.

В данном случае исследование самого порядка отпуска минеральных удобрений и семян, а также порядка их оплаты позволило выявить то слабое звено в оформлении документов (выписка предварительных счетов), которое было использовано Шишковым в преступных целях.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Повышать мастерство расследования дел о хищениях в колхозах	3
Расследование крупных хищений, скрытых подложными документами — М. Я. Похис	13
Настойчивая работа следователя с бухгалтерскими документами помогла вскрыть хищение — В. М. Савицкий	25
Критическое отношение к показаниям свидетелей и связь с колхозной общественностью — важные условия успешного расследования — И. А. Пилипенко	37
Значение инициативного следственного осмотра бухгалтерских документов — П. В. Прохоров	42
Глубокое расследование каждого факта «недостачи» и «халатности» вскрыло крупные хищения — Н. И. Трифонова	53
Установление преступных связей помогло раскрыть организованное хищение — П. И. Поспелов	61
Тщательно подготовленный обыск обеспечил раскрытие крупного хищения в колхозе — Я. С. Левиев	67
Плохо проведенный осмотр места происшествия и увлечение одной версией затруднили раскрытие преступления — И. М. Глазов	76
Своевременный осмотр места происшествия помог раскрыть преступление — М. Б. Гитлин	84
Оперативность — одно из главных условий для раскрытия хищений — М. Я. Эберлина	89
Розыск похищенного — важная обязанность следователя — М. Р. Мейрите	93
Замаскированный способ хищения скота — А. Ф. Байбородин	99
Агротехническая экспертиза помогла раскрыть хищение картофеля. (По материалам прокуратуры Львовской области)	103
Изучение порядка оформления бухгалтерских документов помогло раскрыть квалифицированное хищение. (По материалам Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР)	107